

RUSSIA AND THE
LONG TRANSITION
FROM CAPITALISM
TO SOCIALISM

Samir Amin

Самир Амин

Россия:
долгий путь
от капитализма
к социализму

MONTHLY REVIEW PRESS
New York

ИНИР
Москва, 2017

Научный редактор серии переводных изданий ИНИР
С.Д. Бодрунов
Научный редактор данной книги А.И. Колганов

Самир Амин

Россия: долгий путь от капитализма к социализму.
М.–СПб.: ИНИР, 2017. – 148 с. ISBN

Перевод с английского издания: Samir Amin. Russia and the Long Transition from Capitalism to Socialism. New-York, NY: Monthly Review Press, 2016.

Тексты, представленные в этой книге, бросают вызов модным взглядам, которые продвигаются средствами массовой информации, ведущими пропаганду в интересах мировой финансовой олигархии. Россия (царская Империя и Советский Союз) представляется ими как деспотическая и агрессивная страна, против которой цивилизованные народы Европы всегда должны бороться, чтобы защитить себя, используя для этого военную мощь Соединенных Штатов и НАТО. Эти шаблонные суждения пересмотрены в заключении книги.

Собранные здесь статьи предлагают принципиально иную интерпретацию российской истории, которая рассматривается в долгосрочной перспективе и в контексте мировой истории, которая определяет место России в мировой системе на каждом из последовательных этапов ее развития. Эти статьи, написанные в разное время (в период между 1990 и 2015 гг.), вносят свой вклад в формирование образа России, который сильно отличается от распространяемого западной пропагандой. Только с помощью точного научного анализа истории можно предлагать различные перспективы, доступные для народов России и бывшего Советского Союза.

© Самир Амин, 2016. Все права защищены

© ИНИР, 2017

Содержание

Предисловие редактора русского издания	6
Предисловие к российскому изданию	14
1. Россия в глобальной системе: география или история?	18
2. Российская империя против колониальных империй.....	31
3. Тридцать лет критики советской системы (1960–1990)	52
4. Ленин и сталин: встречая вызов века.....	80
5. Из туннеля?	93
6. Украинский кризис и возвращение фашизма в современном капитализме.....	119
Оценка и перспективы	142

Предисловие редактора русского издания

Автор предлагаемой нашему читателю книги Самир Амин – всемирно известный экономист и политолог, один из основателей мир-системного подхода, исследователь феноменов глобализации и зависимого развития. Он родился в 1931 г. в Каире, там же окончил школу, в 1947–1957 гг. учился в Париже. В 1957 г. защитил диссертацию, посвященную проблемам слаборазвитых экономик.

После защиты диссертации Амин вернулся в Каир, где с 1957 по 1960 г. сотрудничал с министерством экономики Египта, в 1960–1963 гг. работал в Бамако советником при министерстве планирования Мали. Длительное время (1963–1970 гг.) Самир Амин жил в столице Сенегала Дакаре, сотрудничал в Африканском институте ООН по экономическому развитию и планированию (Institut Africain de Développement Économique et de Planification – IDEP), а в 1970–1980 гг. возглавлял этот институт. С 1980 г. он стал директором Форума третьего мира. Длительное время вел регулярную преподавательскую работу в различных французских и африканских университетах. Самир Амин входит в редколлегию журнала «Review of International Political Economy» и ряда других международных изданий.

Самир Амин – автор множества книг, посвященных вопросам развития и преодоления отсталости стран периферии (в первую очередь проблемам экономического развития стран Африки и Ближнего Востока); анализу процессов глобализации, влияния гегемонии США на мировое развитие, а также национальным и идеологиче-

ским проблемам. К сожалению, до настоящего времени на русском языке изданы лишь одна из его книг («Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира») и несколько статей. Назовем здесь некоторые работы, характеризующие различные стороны исследовательских и общественных интересов Самира Амина, изданные на многих языках мира:

1. Империализм и неравное развитие = L'impérialisme et le développement inégal. 1973, 1976.

2. Закон стоимости и исторический материализм = La loi de la valeur et le matérialisme historique. 1977.

3. Класс и нация в истории и в современном кризисе = Classe et nation dans l'histoire et la crise contemporaine. 1979.

4. Арабская экономика сегодня = L'économie arabe contemporaine. 1980.

5. Кризис: какой кризис? (совместно с Джованни Арриги, Андре Гундер Франком и Иммануилом Валлерстайном) = La crise, quelle crise? 1982 (with G. Arrighi, A.G. Frank and I. Wallerstein).

6. Отключение = La déconnexion. 1985.

7. Евроцентризм = L'eurocentrisme. 1988, 2010.

8. Трансформируя революцию: социальные движения и мировая система (совместно с Джованни Арриги, Андре Гундер Франком и Иммануилом Валлерстайном) = Transforming the revolution: social movements and the world system. 1990. (with G. Arrighi, A.G. Frank and I. Wallerstein).

9. Великий беспорядок (совместно с Джованни Арриги, Андре Гундер Франком и Иммануилом Валлерстайном) = Le grand tumult. 1991. (with G. Arrighi, A.G. Frank and I. Wallerstein).

10. Проблемы глобализации = Les défis de la mondialisation. 1996.

11. Призраки капитализма: критика современной интеллектуальной моды = *Spectres of Capitalism: A Critique of Current Intellectual Fashions*. 1998.

12. Устаевающий капитализм = *Obsolescent Capitalism*. 2003.

13. Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира = *The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World*. 2004. (Издано на русском языке в издательстве «Европа». 2007).

14. Мир, каким мы хотим его видеть: революционные цели в XXI веке. (совместно с Джеймсом Мембресом) = *The World We Wish to See: Revolutionary Objectives in the Twenty-First Century*. 2008. (with James Membres).

15. Окончание кризиса капитализма или окончание капитализма? = *Ending the Crisis of Capitalism or Ending Capitalism?* 2010.

16. Недоразвитость – анатомия глобального провала = *Maldevelopment – Anatomy of a Global Failure*. 1990, 201.

17. «Схлопывание» современного капитализма = *The Implosion of Contemporary Capitalism*. 2013.

Взгляды Самира Амина сформировались под значительным влиянием марксизма (он часто называет себя марксистом), мир-системного подхода, концепций зависимого развития и французского институционализма. Мир-системный подход предполагает исследование социальной эволюции с позиций рассмотрения систем обществ (мир-систем), а не отдельных социумов. Это отличает его от наиболее распространенных подходов, в рамках которых социальная эволюция рассматривалась прежде всего в пространствах отдельных обществ (государств, цивилизаций...), а не их систем. Как марксист Самир Амин сочетает этот подход с формационной стадильностью, основанной на смене способов производства (в отличие от одного из своих коллег по мир-системному подходу

Андре Гундер Франка, отрицающего не только концепцию способов производства, но, по существу, и стадильность исторического развития вообще).

Самир Амин выступает как непримиримый критик мировой капиталистической системы, где страны «ядра» глобального капитализма (США, Евросоюз и Япония – он именует их триадой) навязывают странам периферии неравные условия экономических связей. С его точки зрения, этим, главным образом, определяется затянувшаяся экономическая отсталость большинства стран периферии. Вырваться из подобной ситуации, добиться успеха в догоняющем развитии, по его мнению, можно только за счет «отключения» (*déconnexion, de-linking*) национальной экономики от мировой капиталистической системы, что отчасти удавалось странам, сделавшим рывок в своем развитии (Амин ссылается на опыт СССР с его государственной монополией внешней торговли и Южной Кореи).

Критики Самира Амина (как справа, так и слева) любят указывать на то, что изоляция страны от мировой экономики невозможна, во всяком случае, – губительна. Но Амин и не призывает к разрыву экономических связей – он говорит об отказе от правил, навязываемых мировой капиталистической системой. Разумеется, в полной мере это недостижимо, ибо глобальный капитал пока является господствующей экономической силой. Тем важнее поставить барьеры на пути его влияния, чтобы преодолеть хотя бы отчасти то давление, которое он оказывает на экономическое развитие стран периферии. Совсем не обязательно, например, капитулировать перед правилами «Вашингтонского консенсуса», чтобы участвовать в мировой экономике.

В представляемой вашему вниманию книге Самир Амин применяет свои теоретические подходы, чтобы

определить место России в мировой истории и мировой экономике. Автор считает, что Россия с точки зрения мир-системного подхода не относится ни к ядру мир-системы, ни к ее периферии. Особое историко-географическое положение России на протяжении средних веков (после распада империи Чингисхана) делало ее малопривлекательным объектом для экспансии доминирующих держав того времени. Даже с началом эпохи великих географических открытий, а вместе с ними – европейской экспансии в Америку и в Азию, основные направления колониальной экспансии Европы обходили Россию. Это позволяло ей вплоть до XVIII в. развиваться в относительной изоляции, что не исключало как торговых связей с Европой, так и натиска некоторых европейских держав на западных границах России, а вассалов Османской империи – на южных. В то же время такая (пусть и относительная) изоляция создавала возможности для собственной территориальной экспансии.

Самир Амин многократно подчеркивает, что территориальный рост Российской империи происходил совсем не так, как строились колониальные империи европейских метрополий (например, Британская), и слово «империя» в данном контексте лишь вводит в заблуждение. Конечно, основная масса населения на присоединенных к России территориях подвергалась эксплуатации, и положение трудящихся классов (в основном крестьянства) там не было идиллическим. Но таким же был гнет эксплуатации и по отношению к российскому крестьянству. Российское государство не вело прямого грабежа природных ресурсов присоединяемых территорий, не практиковало рабовладельческих порядков, которые принесли в колонии европейские страны, не прибегало к массовым актам геноцида, хотя присоединение Южно-российских областей, покорение Кавказа и Средней Азии были сопряжены с войнами и немалыми жертвами.

С XVIII в. Россия все больше втягивается во взаимодействие со странами тогдашнего ядра мир-системы, начинает формироваться ее статус как полупериферийной страны. Это означает, что Россия находилась в определенной экономической и политической зависимости от крупнейших держав Западной Европы, но в то же время стремилась и отчасти была в состоянии противопоставить этой зависимости свою собственную, национальную политику, направленную на преодоление разрыва в социально-экономическом развитии со странами ядра мир-системы. «Россия построена на эффективном синтезе замыкания в себе и открытия Западу. Прежняя задача, состоящая в обособленном развитии, была полностью противоположна периферизации мирового капитализма. Этому не было аналогов, кроме обособленного развития Соединенных Штатов в период их независимости до 1914 года...», – пишет Самир Амин.

Весьма решительный шаг в этом направлении был сделан после революции 1917 г. и образования СССР. Самир Амин видит в развитии СССР показательный пример отказа от подчинения правилам, навязываемым ведущими игроками мир-системы; отказа, который только и позволяет всерьез заняться обеспечением собственной логики развития, выводящей страну из отсталости. Этот отказ был возможен благодаря своеобразию социально-экономической системы СССР и государственной монополии на внешнюю торговлю. СССР, нуждаясь в закупках машин и оборудования в Западной Европе и США, смог обеспечить эти закупки, не подчиняя свое внутреннее экономическое развитие правилам мирового капиталистического рынка.

Однако представляется, что автор заходит чересчур далеко в своей критике капиталистической системы, когда предлагает социалистические преобразования в качестве лучшего и универсального решения, позволяю-

щего избавить экономику стран периферии и полупериферии от давления стран ядра мир-системы. За последние полвека не было ни одного случая, когда подобный подход привел бы к успеху. А вот ускоренное догоняющее развитие с использованием капиталистических отношений вполне можно было наблюдать. Перефразируя приведенный выше пример: чтобы отказаться от правил «Вашингтонского консенсуса», совсем не обязательно устраивать социалистическую революцию.

Проблемы геополитического и геоэкономического положения современной России Самир Амин связывает со сдвигом в 1990-е гг. в сторону подчинения ядру мир-системы, прежде всего США. Нынешние попытки российского государства занять на мировой арене самостоятельную экономическую и политическую позицию автор рассматривает как шаг в правильном направлении, однако резонно отмечает, что такая самостоятельность должна подкрепляться и соответствующими переменами во внутренней политике – в отказе от прежнего неолиберального курса.

Развиваемый в книге Самира Амина мир-системный подход к исследованию мировых социально-экономических и геополитэкономических процессов может получить дополнительные основания, если дополнить его историческим взглядом на эволюцию экономических систем, опирающимся на тезис о приоритетной роли материального производства (что вполне соответствовало бы методологии Самира Амина как марксиста). В частности, его идея об отключении (*deconnexion, de-linking*) от ядра мир-системы может получить развитие на основе исследования тех процессов совершенствования материального производства, которые обеспечивают реальную научно-технологическую, а вместе с этим – и экономическую независимость от стран ядра. Поэтому идею «отключения» следует развивать вместе с исследованием условий уча-

ствия той или иной страны в грядущей технологической революции, оседлав которую, можно получить реальные шансы на выход из состояния зависимости и отсталости.

В этом контексте для России представляется актуальной концепция реиндустриализации на новейшей технологической базе, опирающаяся на реинтеграцию производства, науки и образования, органически дополняемая с внешнеэкономической точки зрения политикой конкурентоспособного импортозамещения. Такого рода направления научных разработок давно стали предметом самого пристального внимания Института нового индустриального развития (ИНИР), включая и работы автора настоящего предисловия. В конечном итоге, чтобы придать целостный характер исследовательской работе в этом направлении, требуется весьма широкий взгляд, включающий самые разнообразные подходы – от развития методологии политико-экономических исследований до геополитэкономии. В связи с этим предполагается издание серии книг (как российских авторов, так и работ известных зарубежных специалистов).

С.Д. Бодрунов

Предисловие к российскому изданию

Я написал эту книгу, потому что люблю народ России, восхищаюсь его мужеством, его славной революцией 1917 г., когда он пошел на «штурм небес», как коммунары Франции в 1871 г. Человечество многим обязано Советскому Союзу, построенному на братстве народов. Именно поэтому только Красная Армия смогла разгромить нацистов и водрузить над Берлином Красное знамя Победы. Народы Азии и Африки знают, что они обязаны СССР и Китаю в своей борьбе за восстановление независимости и попыткам заставить отступить империализм.

В своих «Мемуарах» я вспоминаю, как на следующий день после победы под Сталинградом тысячи жителей Порт-Саида, где я жил со своей семьей, вышли на улицы города, чтобы выразить свою радость. Отец взял меня на демонстрацию (мне было тогда 12 лет) и сказал: «**Мы** выиграли войну, **они** должны убраться прочь». «Мы» – это слово выражало солидарность египетского народа с СССР; «они» – относилось к британцам, которых эта победа социализма, имевшая мировое значение, вынудила начать освобождение оккупированного ими Египта. Связь между победой СССР, разгромившего фашизм, и будущей победой народов Азии и Африки против колонизаторов уже запечатлелась в их сознании.

Моя признательность советскому народу за поддержку не исключает строгости моих суждений относительно «советизма», его понимания марксизма, его международных интервенций (здесь я отсылаю читателей к гл. 3).

Однако я всегда учитывал обстоятельства, связанные с трагической изоляцией СССР, на которую его обрекли

западные страны (см. гл. 4). «Холодная война», развязанная после интервенции, на самом деле никогда и не кончалась; начавшись в 1917 г., она продолжается по сей день.

Империалистические державы никогда не признавали независимую Россию – как социалистическую, так и переставшую быть таковой. Россия (как и Китай) – слишком большая и слишком важная страна, чтобы с её независимостью смирились те, кто хочет доминировать в мире. Ответственность народов Европы и США, которые, в конечном счете, следовали курсу своих руководителей, конечно, велика, но она не оправдывает советские злоупотребления. Я стремился понять причины: почему Россия стала «слабым звеном» мировой капиталистической системы. Для этого я должен был глубоко погрузиться в этот вопрос. Возник соблазн написать эту книгу. Русские, которые знают свою историю лучше, чем я, возможно, найдут в ней промахи и ошибки. Я готов это признать и принять во внимание, но не думаю, что это может изменить мою позицию по существу.

Постсоветская Россия, а также народы, входившие в состав СССР, снова принимают вызов, который принимали веками: согласиться с подчиненным положением в качестве периферии, над которой доминирует новая система мирового империализма, или вступить на путь независимости, необходимый, чтобы начать длинную дорогу к социализму.

Некоторые считали желательной и возможной интеграцию России в «общеевропейский дом», как об этом говорил Горбачёв. Но ни США, ни подчиненные им европейские союзники этого не хотели. Независимая Россия должна обратить взор в другом направлении, и евразийский выбор, несомненно, свидетельствует о здоровом реализме. Этот проект, который должен связать Транскавказье с Центральной Азией, может стать дополнением к

китайской программе «шелкового пути». Он поможет построить прочную базу для нового альянса народов Азии, Среднего Востока и Африки, который откажется от безусловного подчинения, навязываемого Вашингтоном. Кроме того, на России лежит ответственность за восстановление дружбы между братскими народами России, Украины и Белоруссии, а также за судьбу народов прибалтийских государств, которым грозит жестокая колонизация со стороны Западной Европы (в особенности, Германии) и которые должны понять, как они были обмануты.

Успешное продвижение в этом направлении связано с отказом от иллюзий так называемого неолиберального капитализма (гл. 5). И здесь России следует внимательно отнестись к опыту Китая – ведь даже он не смог преодолеть противоречия, обусловленные его политикой включения в капиталистическую глобализацию. Другой мир, подлинно полицентричный, открывающий двери для социального прогресса, не может быть построен на иных основах.

Завершая, подчеркну: я счастлив, что российские читатели увидят эту книгу, и благодарю всех, кто сделал это возможным. Прежде всего я хочу поблагодарить редактора и инициатора перевода моей книги на русский язык профессора Сергея Дмитриевича Бодрунова, директора Института нового индустриального развития и президента Вольного экономического общества России. Исследовательская деятельность профессора Бодрунова и возглавляемого им института направлена на поиск путей возрождения производства, науки и образования, создания социально-экономических отношений и институтов, которые обеспечат решение проблем развития России и других стран и преодоления негативных последствий «рыночного фундаментализма». Эти исследовательские зада-

чи перекликаются с проблемами, которые я поднимаю в своей книге, делая возможным и плодотворным наш научный диалог, на развитие которого я искренне надеюсь.

Самир Амин

1. Россия в глобальной системе: география или история?

Двойной крах советского строя – как социального проекта, отличного от капитализма, и как СССР (ныне Россия) – ставит под сомнение все теории, которые были выдвинуты в отношении конфликта капитализма/социализма, и анализа позиций и функций разных стран и регионов в мировой системе. Эти два подхода (первый отдает приоритет истории, второй – географии) часто являются взаимоисключающими. В традиции исторического марксизма, особенно в его версии, преобладавшей в СССР, единственной важной проблемой современного мира, достойной научного изучения, был переход от капитализма к социализму. Как у Ленина, теория революции и социалистического строительства формулировалась постепенно и кратко изложена в следующих пунктах:

1 – капитализм должен быть окончательно свергнут во всем мире в результате классовой борьбы, проводимой пролетариатом;

2 – социалистическая революция началась в определенных странах (сначала в России, а затем в Китае), которые являются (по разным причинам) «слабыми звеньями» в цепи мирового капитализма;

3 – в указанных странах строительство социализма возможно, несмотря на их отставание в развитии;

4 – следовательно, переход от капитализма к социализму развивается в результате конкуренции двух государственных систем, некоторые из которых стали социалистическими, другие (условно) остались капиталистическими.

При таком типе анализа история, определяющая социальные и политические особенности формирования различных обществ в современном мире (в том числе состоящих из «слабых звеньев»), играет ключевую роль, в то время как география мировой системы, детерминирующая различные позиции и функции этих обществ, полностью подчинена истории. Конечно, поворот истории, когда «необратимый социализм» свергается от имени капитализма, должен поставить под сомнение всю теорию перехода к социализму и его строительство.

География отвечает за другой аспект, например, в анализе движения современной истории, базирующемся на основополагающем принципе, который можно назвать мир-системным подходом: то, что происходит на уровне мировой системы, контролирует эволюцию составляющих ее частей. Роли Российской империи и СССР будут, таким образом, объяснены эволюцией мировой системы, и именно это позволяет понять крах советского проекта. Подобно тому, как экстремисты из среды исторических марксистов признают в ходе истории только классовую борьбу, возможна экстремистская интерпретация мир-системного подхода, которая практически исключает классовую борьбу, поскольку она не способна изменить ход эволюции системы в целом.

Полезно упомянуть, что теории о специфике Евразии и ее определенном месте в мировой системе опередили формулировку мир-системного подхода на несколько десятилетий. В 1920-х гг. российские историки (Николай Трубецкой и др.) выдвинули предложения, которые были забыты официальным советским конформизмом, но в последние годы реанимированы. Тезисы, высказанные в статье Андрея Фурсова, опубликованной в «Обзоре», в некоторых аспектах напоминают теорию о евразийской специфичности и отличают ее от других. Я за синтез двух

видов анализа, в частности, при рассмотрении российско-советского случая. Обосновав такой подход в более общих случаях, я считаю, что такой синтез обогатит марксизм.

В период между 1000 и 1500 гг. мировая система состояла из трех основных блоков развитых обществ: Китая, Индии и Ближнего Востока. К ним можно добавить четвертый – Европу, развитие которой было чрезвычайно быстрым. Оно происходило именно в этом, последнем, регионе, который был маргинальным до 1000 г., когда качественные преобразования всех видов выкристаллизовались и открыли путь капитализму. Между Европой и Восточной Азией (от польских границ до Монголии) растянулось евразийское пространство, положение которого в глобальной системе в определенный период во многом зависело от взаимодействия этих четырех регионов. Можно назвать это древней мировой системой (докапиталистическая общественная система, основанная на уплате дани, если принять мое определение этих общественных систем).

Кажется, невозможно дать убедительную картину рождения капитализма, не принимая во внимание две группы вопросов: 1 – динамика местных преобразований в ответ на вызовы, с которыми сталкиваются эти общества (в частности, динамика общественной борьбы), и 2 – артикуляция этой динамики в развитии древней мировой системы, рассматриваемой в целом (в частности, изменение роли различных регионов, составлявших древнюю мировую систему, и, следовательно, – функций Евразийского региона).

Если принять во внимание глобальную точку зрения и, таким образом, учесть региональные реалии, то следует признать, что подавляющее большинство цивилизованного населения древнего мира было сосредоточено

в двух азиатских блоках – Китае и Индии. Кроме того, бросается в глаза закономерность роста этих двух блоков; их население составляло примерно по 50 млн жителей и выросло соответственно до 330 и 200 млн в 1800 г. и до 450 и 300 млн в 1850 г. Этот необыкновенный рост совпал со стагнацией Ближнего Востока, начиная с эллинистического периода. Население последнего в это время, вероятно, достигло своего максимума – 50 млн, затем почти регулярно сокращалось и стабилизировалось на уровне около 35 млн накануне промышленной революции и европейского проникновения. (Напомним, что население Египта составляло от 10 до 14 млн человек в определенные периоды эпохи фараонов, но оно сократилось до 2 млн в 1800 г. Упадок Месопотамии и Сирии шел аналогичным образом). Сравним со стагнацией варварской Европы до 1000 г. Ее население росло от 20 млн в течение двух столетий до христианской эры до, вероятно, менее 30 млн к 1000 г. перед демографическим взрывом до 180 млн жителей в 1800 г. и 200 млн в 1850 г. Отсюда ясно, что Европа после самоидентификации стала одержима идеей взаимодействия, если не покорения этого сказочного Востока. До конца XVIII в. Китайская империя была для европейцев высшей точкой отсчета: общество, которое было самым цивилизованным, лучше всего управлялось, и его технологии были лучшими и наиболее эффективными (Этьембль, 1972). Сила Китайской империи была такой, что до конца XIX в. вряд ли кто-либо посмел напасть на нее. Индия была более слабой, завоеванной, и ее колонизация сыграла решающую роль в прогрессе Британии. Увлечение Дальним Востоком стало основным стимулом таких европейских инициатив. Тем не менее, открытие и завоевание Северной и Южной Америки поглотило европейскую энергию на три столетия. Функцию Евразии следует рассматривать в этой перспективе.

Ближний Восток – регион, который, по мнению некоторых, был наследником эллинизма (синтез культур пяти цивилизаций: Египет, Месопотамия, Сирия-Финикия, Греция-Анатолия, Иран) – представляет собой третий полюс развитой цивилизации.

Интенсивная торговля между этими тремя полюсами повлияла на динамику древнего мира. Эти так называемые шелковые пути, пересекали южные регионы Евразии от Каспийского моря до Китая, к югу от казахской степи, от Тянь-Шаня до Монголии (Амин, 1991).

Тем не менее, относительная стагнация ближневосточного полюса закончилась постепенным затуханием внешней торговли. Это имело, по крайней мере, два важных следствия. Во-первых, Европа благодаря крестовым походам узнала, что Ближний Восток был не богатым регионом, достойным завоевания, но зоной, которую надо пересечь или обойти, чтобы достичь действительно интересных районов Азии. Во-вторых, Китай и Индия перенаправили свое внимание с запада на восток: их заинтересовали расположенные там периферические страны – Корея, Япония, Вьетнам и страны Юго-Восточной Азии. Два восточных полюса не искали активного взаимодействия с Ближним Востоком и еще меньше – с Европой; инициативу проявили европейцы. Евразийское пространство и океан были основными конкурирующими путями, по которым европейцы могли войти в Азию.

Как уже было сказано, Европа до 1000 г. была маргинальным регионом, в котором люди еще не были окончательно оседлыми и жили в обществах, построенных на уплате дани. Но эта бедная периферия древней системы внезапно выросла в особую структуру, соединившую периферийную феодальную форму, основанную на уплате дани (разделение полномочий), и европейский универсализм из римского христианства. В ходе развития

этой системы Европа в XIX в. станет центром капиталистического и индустриального мира. Крестовые походы (1100–1250) были первым этапом этой быстрой эволюции. Западная (франкская) Европа стремилась разрушить монополию Ближнего Востока на посредничество в ее отношениях с Восточной Азией. Эта монополия была фактически разделена между православной Византией и мусульманским арабо-персидским халифатом. Крестовые походы были направлены против обоих противников, а не только мусульман, как часто думают. Тем не менее, европейцы после их окончательного изгнания из региона пытались использовать другие пути для преодоления этого препятствия.

Крестовые походы ускорили закат Ближнего Востока и укрепили отсутствие интереса китайцев к Западу. На самом деле, крестовые походы способствовали «тюризации» Ближнего Востока: баланс сил изменился в пользу тюркских военных племен, которые одновременно уничтожили Византию и Халифат, их с 1450–1500 гг. сменила Османская империя.

Кроме того, крестовые походы обогатили итальянские города, получившие монополию на навигацию в Средиземном море, и определили их ведущую роль в поиске путей обхода Ближнего Востока. Отметим, что два основных пути были открыты итальянцами: Марко Поло пересек русско-монгольское евразийское пространство, а Христофор Колумб спустя два столетия пересек Атлантический океан.

Евразия вошла в историю между 1250 и 1500 гг. Ее появление отодвинуло на второй план древние шелковые пути, которые связывали Ближний Восток с Китаем и Индией через южную часть Центральной Азии, в пользу прямого маршрута Европа – Китай, проходящего дальше к северу, через Евразию, контролируемую империей Чингисхана (именно этим маршрутом проследовал Марко По-

ло). Это спровоцировало вековую борьбу за контроль над Евразией между русскими и тюрко-монголами. Образование Московского государства связано с несколькими впечатляющими этапами: освобождение от монгольского ига, увеличение территории за счет Сибири и завоевания южных степей до Черного, Каспийского и Аральского морей, Кавказского хребта и, наконец, южной Средней Азии и Закавказья.

Эта история оставила Евразии в наследство некоторые особенности, сильно отличающие ее как от европейских образований, так и от Китая. Она не стала (или не осталась) «наполовину азиатской» (это – поверхностное утверждение с очевидным уничижительным смыслом). Она слишком далека от китайской модели, чтобы так ее описывать. Но Евразия не стала густонаселенным, однородным государством, в отличие от Европы с ее абсолютными монархиями, а затем – современными буржуазными национальными государствами. Расположение на такой большой площади ослабило эти черты, несмотря на желание Санкт-Петербурга с 1700 г. подражать европейскому абсолютизму. Кроме того, в Российской империи отношения между русскими и тюрко-монгольскими степными народами отличались от отношений между европейцами и колонизированными ими народами. Российская империя не использовала работу тюрко-монголов, как это делали европейцы в своих колониях; именно политическая власть России контролировала пространство, занимаемое обоими народами. Это сохранилось в каком-то смысле в Советском Союзе, где русские доминировали с политической и культурной точки зрения, но экономически не эксплуатировали другие народы (наоборот, поток богатств направился из России в Центральную Азию). Именно СМИ спутали эти глубоко различные системы, поверхностно называя их империями (С. Амин, 1992 b).

Тем не менее, Евразия не играла роль пространства, соединяющего Европу с Китаем, на протяжении короткого периода (между 1250 и 1500 гг.), когда Европа еще не обладала достаточными возможностями, чтобы одарить Евразию с тем же финансовым блеском за возможность прохода (как в морской торговле). С 1500 г., по сути, маршрут через Атлантический / Индийский океан заменил длинную континентальную переправу. И это была не только географическая замена. Направляясь на запад, европейцы «открыли» Америку, завоевали ее и превратили в периферию своего расцветающего капитализма; Евразия избежала этой судьбы, такие методы к ней невозможно было применить. В то же время европейцы поняли, как колонизировать азиатские страны (превращая их в периферии мирового капитализма), начиная с Индии, голландской Восточной Индии и Филиппин; затем последовали Африка и Ближний Восток. Используемые способы, отличались от применяемых во время русской экспансии в Азии.

Морские маршруты вновь отодвинули Евразию на второй план (с 1500 до 1900 г. и даже дольше). Россияне ответили на вызов оригинальным и во многом блестящим образом. Фурсов отметил, что в 1517 г. монах Филофей провозгласил Москву третьим Римом. Это было сделано вскоре после открытия морского маршрута и обеспечило России исключительную роль в истории. Некоторые, например Николай Бердяев, считали, что советский коммунизм не отказывался от мессианской роли России в продвижении прогресса всего человечества.

Россия построена на эффективном синтезе замыкания на себе и открытия Западу. Прежняя задача, состоящая в обособленном развитии, была полностью противоположна периферизации мирового капитализма. Этому не было аналогов, кроме обособленного развития Сое-

диненных Штатов в период с завоевания независимости до 1914 г. или даже до 1941 г.

Так появились два больших пространства, организованных как обособленные континенты, подчиняющиеся одной единственной политической силе. Других таких не было с 1950 г. (за исключением Китая). Тем не менее, нельзя не отметить весьма посредственные результаты, полученные Россией / СССР (по сравнению с блестящими достижениями Соединенных Штатов). Существует простое, но весьма правдивое объяснение этого контраста: преимущество Соединенных Штатов в том, что у них не было феодального наследия (аргумент подтверждается тем, что Новая Англия не формировалась как периферия капитализма). Добавим, что, будучи «изолированными» на американском континенте, Соединенные Штаты были свободны от перипетий европейской политики и имели только одного противника – Мексику, которая была слишком слаба, чтобы стать чем-то, кроме добычи, и половина ее территории была захвачена. Россия же не смогла избежать европейских конфликтов, и ей пришлось иметь дело с соперниками из Западной и Центральной Европы: она была захвачена войсками Наполеона, пережила унижение Крымской войны, а затем еще дважды (в 1914 и 1941 гг.) подвергалась вторжению.

Это постоянное вмешательство в историю России и Европы было, по крайней мере, частично, результатом российского (впоследствии советского) выбора – не замыкаться в Евразии, но стать настолько современным (европейским) государством, насколько это возможно. Это был выбор Российской империи, символизируемый двуглавым орлом, одна голова которого смотрела в сторону Запада. Это был также выбор СССР, который внедрил свою идеологию в традиции европейского рабочего движения. Очевидным следствием этого является полный

отказ СССР от славянофильской и евразийской идеологий, которые всегда присутствовали в Российской империи, несмотря на официальный прозападный взгляд.

Русская революция представляет собой не менее важное явление, которое, однако, вряд ли может влиять на ход истории после закрытия советского проекта. Существует немного другое достаточно убедительное объяснение этой революции, кроме одновременно затрагивающего историю (новые противоречия, вносимые капитализмом) и географию (положение России в мире капиталистической экономики).

Капитализм стал новым вызовом всему человечеству, народам как передовых центров, так и отсталых периферий. Это моя основополагающая позиция. Я являюсь марксистом и считаю, что капитализм не может продолжаться бесконечно как постоянное накопление. Экспоненциальный рост, который он влечет за собой, приведет к неминуемой гибели человечества.

Капитализм «созрел» для смены другой формой цивилизации (более продвинутой) в результате всплеска активности народных масс, готовых к действию, что стало возможно благодаря накоплению (и что остается за скобками в истории), а также этической и культурной зрелости.

Вопрос, который русские поставили в 1917 г., не является ни искусственным, ни случайным продуктом их так называемых мессианских импульсов или каких-либо внутренних обстоятельств. Это вопрос, который сейчас стоит перед человечеством.

Теперь надо ответить на следующие вопросы:

1. Почему необходимость перегнуть капитализм так сильно проявилась именно в России, а затем в Китае, а не в развитых капиталистических центрах?
2. Почему СССР не смог превратить эту потребность в рычаг прогрессивной трансформации?

Отвечая на первый вопрос, считаем, что география мировой системы, безусловно, сыграла решающую роль. Ленинское определение «слабого звена» является первой попыткой объяснить то, что Мао обобщил для периферий системы в теории непрерывной революции поэтапно, начиная с новой демократии. Это объяснение учитывает поляризацию, обусловленную мировой экспансией капитализма. Россия, которая, как считается, «начала мировую революцию», не была периферийной страной. Она имела обособленную, но отсталую, структуру центра, что объясняет жесткость социальных конфликтов. Вторая великая революция – китайская – произошла в единственной крупной стране, которая была не совсем периферией, как Латинская Америка, Ближний Восток, Индия и Юго-Восточная Азия. Китай никогда не был колонизирован. Описание Китая как страны, которая является «наполовину феодальной, наполовину колониальной», возможно, «на три четверти подконтрольной, на одну четверть колониальной», является более правильным, в то время как другие периферии являлись «на одну четверть подконтрольными (или феодальными) и на три четверти колониальными».

Второй вопрос требует ответа, который начинается с вызова теории «социалистического перехода». Этот «переход» является неточным, так как он не обращается адекватно к истории и географии капитализма. Эта теория основана на заниженной оценке (географической) поляризации центров и периферий и не признает, что «естественная» тенденция капиталистической экспансии к гомогенизации мира связана не с конкретными историческими обстоятельствами, а с результатами самой этой экспансии. Поэтому теория социалистического перехода не видит, что восстание народов, которые являются жертвами этого всегда неравномерного развития, будет про-

должаться до тех пор, пока существует капитализм. Она также основана на гипотезе о том, что новый (социалистический) способ производства развивается не внутри старого (капиталистического), а рядом с ним, в странах, порвавших с капитализмом. Эта гипотеза должна быть заменена другой: как капитализм зародился в рамках феодализма, прежде чем вырвался из него, так и долгий переход мирового капитализма к мировому социализму определяется внутренним конфликтом всех обществ в системе между тенденциями и силами воспроизводства капиталистических отношений и антисистемными тенденциями и силами, чья логика имеет другие устремления, которые могут быть определены как социализм. Мы не собираемся развивать здесь эти новые тезисы относительно долгого переходного периода, но упомянуть о них необходимо, потому что они объясняют причины провала Советской России.

Чтобы подвести итог, зададим вопросы, которые могут пролить свет на дебаты по поводу не только России, но и мировой системы в целом.

Провал советского проекта произошел не из-за России – ни XIX в., ни (как предполагает Фурсов) московского (допетербургского) периода. Для России, как и для любой другой страны, возвращение к истории не имеет никакого смысла. Это, скорее, возможность освободиться от этого пустого занятия и взгляд в будущее на основе анализа настоящего, его новых возможностей и сравнения его с прошлым.

Как освободиться от капитализма и выйти за его пределы – вот центральный вопрос для русских, китайцев и всех других народов мира. Если принять тезис о длительном переходе, который я обрисовал, то надо немедленно заняться проблемой, которая стоит перед всеми нами: построить многополярный мир, чтобы обеспечить мак-

симальное развитие антисистемных сил. Для русских и других народов Евразии (бывшего СССР) это подразумевает не иллюзорное капиталистическое развитие, а воссоздание общества, способного выйти за его пределы. Ряд вопросов, вытекающих из данного исследования, следует рассматривать в зависимости от того, смогут ли русские или китайцы сделать это в ближайшем будущем или это сделают другие народы.

Литература

Амин С. Древняя мировая система против современной капиталистической мировой системы // Review = Обозрение. 14. Весна / Лето, 1991: 349–86.

Амин С. Капитализм и мировая система = Sociologie et Sociétés = Социология и общества. 24. № 2. Осень, (1992): 181–202.

Амин С. Вызовы глобализации. Actuel Marx = Современный Маркс (на англ. яз.) // Review of International Political Economy = Обзор международной политической экономики, 1992b.

Этьембль. Китайская Европа. Париж: Галлимар, 1972.

Трубецкой Н.С. Письма и записки Трубецкого. Гаага: Мутон, 1975.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана и другие очерки об идентичности России / под ред. Анатолия Либермана. Ann-Arbor: Michigan Slavic Publications, 1991.

Вернадский Г. История России. New Haven: Yale University Press, 1961.

2. Российская империя против колониальных империй

Согласно модной в настоящее время точке зрения, Российская империя была деспотической системой, которая географически расширилась, завоевав нерусские народы Европы и Азии и установив одиозный колониальный режим. «Общая теория» формирования, расширения и неизбежного краха «империй» была выдвинута Полом Кеннеди, антиисторический и ненаучный метод которого я не разделяю. Я вернусь к критике этой работы в заключении.

Эта глава устанавливает и защищает два тезиса: первый касается формирования Великой России (включавшей русских, белорусов и украинцев в одном государстве), которое было похоже на формирование современной Франции и Великобритании; второй касается расширения империи от границ Германии до границ Китая. Это расширение отличалось от строительства западных колониальных империй, будь то Британия, Франция или кто-то другой.

СМИ заставили всех нас внимательно следить как за шотландским референдумом в сентябре 2014 г., так и за конфликтом между Россией и Украиной (что ускорило его весной 2014 г.). Мы все слышали две противоположные истории: единство Великобритании должно быть защищено в интересах английского и шотландского народов, но шотландцы путем демократического голосования осуществили свободный выбор в пользу союза. С другой стороны, нам говорят, что независимости Украины, свободно избранной украинским народом, угрожают вели-

корусские экспансионистские намерения диктатора Путина. Давайте проанализируем эти факты, представленные нам как неопровержимые.

Образование Великобритании

Великобритания (Соединенное Королевство) объединяет Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию. Четыре нации должны жить вместе в одном государстве, потому что это в их интересах. Поддержка независимости Шотландии, таким образом, была представлена как иррациональная, эмоциональная и не имеющая серьезных оснований. Независимость не принесла бы шотландцам ничего хорошего.

Вот некоторые наиболее распространенные аргументы: нефтяные ресурсы, от которых зависит Шотландия, будут исчерпаны раньше, чем многие полагают. Кроме того, фактически эксплуатацию этих ресурсов осуществляют иностранные международные компании (подразумевается, что в случае голосования в пользу независимости они могли бы уйти). Шотландцы обеспокоены сохранением социальных льгот в области образования и здравоохранения, которые отменил Вестминстерский парламент, когда поддержал неолиберальные догмы, принятые и введенные Европейским союзом. Дэвид Кэмерон пообещал учесть эти требования путем расширения местных полномочий каждой из четырех наций. Конечно, окончательное решение находится не в компетенции Кэмерона, а в компетенции Вестминстерского парламента и Брюсселя. Независимой Шотландии придется пересмотреть свое членство в Европейском союзе, если будет такое желание. Этот процесс будет болезненным, долгим и трудным. Почему – нам не говорят. В конце концов, если

независимая Шотландия поддержит основные действующие европейские законы (в чем не сомневаются сторонники независимости), то трудно понять, почему ее нельзя немедленно признать членом Европейского союза. Сложно понять и другое: почему процесс вступления в Европейский союз будет столь же болезненным, как для отдаленных стран (Литвы или Болгарии, например), многие из которых были вынуждены полностью реформировать свои экономические и социальные системы. СМИ, не моргнув глазом, осмелились сказать, что независимая Шотландия не сможет экспортировать свой виски ни в Англию, ни куда-либо еще!

В этой дискуссии забыли об одном важном факте: никто не провел сравнение с Норвегией, по количеству населения сравнимой с Шотландией, и даже делящей с ней нефтяные ресурсы Северного моря. Норвегия решила остаться вне Европейского союза и извлекла выгоду из этого выбора, сохранив определенную автономию, которая позволяет ей защищать свою социальную политику. Тем не менее, Норвегия поддерживает либеральную экономическую политику Европейского союза (не будем обсуждать влияние этого выбора, который, на мой взгляд, является неправильным).

В основе дискуссии об интересах шотландцев лежат различные интерпретации истории. Шотландцы (как валлийцы и ирландцы) являются кельтами, говорят на кельтских языках и воевали с англичанами (англосаксами), а впоследствии – с англо-нормандскими захватчиками Британских островов. В конечном счете шотландцы были разбиты и интегрированы в так называемую Большую Англию. Высокомерие английской монархии и аристократии по отношению к побежденным шотландцам не изгладилось из их памяти, даже если кажется, что эта страница позднее была перевернута, возможно, только после

Второй мировой войны, после победы партии труда и социальных достижений, которые сделали эту победу возможной.

Тем не менее, шотландцы были полностью интегрированы: они потеряли свой язык (как окситанцы или бретонцы во Франции). Бессмысленно приветствовать эти изменения (интеграцию в Англию или Францию) или осуждать их: это исторический и необратимый факт. Шотландцы получили от союза и преимущества – возможность легко эмигрировать в промышленные города Англии, колонии и доминионы, а также в Соединенные Штаты. Шотландцы поставили британской армии большое количество своих офицеров для обучения войск, набранных в колониях (это немного напоминает корсиканцев во Франции). Но самый сильный аргумент заключается в том, что Шотландия и Англия сформировали современную, единую капиталистическую экономику (как северная Франция и Окситания). Несомненно, больше шотландцев (или людей шотландского происхождения) живут и работают в Англии, чем в Шотландии.

И все же, несмотря на глубокую интеграцию, которая больше не является дискриминирующей, шотландцы любят думать о себе как о нации, отличной от англичан. Английская монархия и аристократия изобрели англиканскую версию «Реформации» – католичество без Папы (который был заменен королем Англии). Шотландцы выбрали другой путь – кальвинистскую реформатскую церковь. Сегодня разница больше не имеет значения, но в XIX в. и в первой половине XX в. это было важно.

Официальное толкование истории, широко признанное заинтересованными народами, описывает объединение четырех наций в современной Великобритании как «позитивное в целом». Это неустанно повторяют Дэвид Кэмерон и британские лидеры всех основных партий. Но

это также мнение 50 % шотландских избирателей. Эту точку зрения можно было бы принять, несмотря на расхождения в общественном мнении, даже если половина избирателей (сторонники независимости) сделала нерациональный выбор (вопреки своим интересам), руководствуясь романтизмом. Но никто не говорит о том, какие «исключительные» средства использовались систематически, чтобы убедить избирателей голосовать против независимости. Представление этих средств как шантажа или даже интеллектуального терроризма не будет преувеличением. Выборы, даже если они формально были абсолютно свободными и прозрачными, сами по себе не являются доказательством законности, достоверности и неизменности выбора, который они ратифицируют.

Как видим, история формирования и существования Соединенного Королевства – это красивая история, запятнанная только неудачей в Южной Ирландии (Эйре). Завоевание Ирландии высокомерными английскими лордами, которые захватили землю и поставили ирландских крестьян в положение, близкое к рабству, с катастрофическими демографическими последствиями (повторяющийся голод, массовая эмиграция, сокращение населения), было ничем иным, как особо жестокой формой колонизации. Ирландский народ сопротивлялся, опираясь на свой католицизм, и, в конечном счете, отвоевал свою независимость в 1922 г., но колонизация привела к введению использования английского языка, доминирующего и по сей день. Эйре сегодня является частью Европейского союза, и ее зависимость от британского капитализма ослабляется только за счет ее зависимости от других основных партнеров в современной либеральной мировой экономике.

Таким образом, различия были унаследованы из истории четырех наций Соединенного Королевства и не пре-

допределяют распад Великобритании. История британского капитализма окрашена в оттенки розового, а не черного.

Образование России и Советского Союза

В отношении Великой России (бывшей Российской империи) и Советского Союза медийный дискурс приобретает совсем другой тон. В этом случае нам говорят, что мы должны прийти к иному выводу: различия таковы, что нет никакого другого решения, кроме как разбить ранее единую сущность на различные независимые государства. Но давайте посмотрим более внимательно. Развитие Великой России в рамках царской Империи, а затем ее глубокая трансформация при строительстве Советского Союза были, надо полагать, черной историей, управляемой исключительно за счет постоянного насилия.

Эта точка зрения должна быть оспорена. Объединение трех славянских народов (Великой России, Украины и Белоруссии) московскими царями, последующая российская экспансия в Прибалтику на западе и в Сибирь, Закавказье и Среднюю Азию на востоке и юге не были более жестокими и менее уважительными к самобытности присоединенных народов, чем события при развитии исторического капитализма в Западной Атлантике (и в этом контексте – британского капитализма) и колониальной экспансии. Сравнение – в пользу России, проиллюстрируем это на примерах:

1. Объединение трех «русских» народов (великороссов, малороссов и белорусов), конечно, произошло в результате их военного завоевания царями (как и образование Франции или Великобритании). Это политическое

объединение было вектором, который принес русский язык – «естественным образом» – на смену местным диалектам. Кроме того, они были значительно ближе друг к другу, чем, например, «ланг д'ойль» и «ланг д'ок» во Франции, английский и кельтские языки или итальянские диалекты в Сицилии и Венеции. Представление лингвистической русификации как насильно насаждаемого кошмара, в отличие от якобы мирной экспансии французского, английского или итальянского языков, свидетельствует об игнорировании исторической реальности. Однако анализ природы этих языковых экспансий и того, привели ли они к обогащению в долгосрочной перспективе или культурному обнищанию, выходит за рамки данной главы. Дело в том, что все эти языковые экспансии являются историческими фактами одного и того же рода.

Русские не уничтожали землевладельцев («феодалов») Украины и Белоруссии, они были объединены в систему, где доминировала Великая Россия. К крепостным, а после 1865 г. и к свободным крестьянам Украины и Белоруссии относились так же, как к крестьянам Великой России, т. е. одинаково плохо.

Коммунистическая идеология большевиков раскрасила историю царизма в оттенки черного по уважительным классовым причинам. Таким образом, Советский Союз признал различия (которые отрицались «цивилизированным» Западом) и создал отдельные республики. Более того, в целях борьбы с обвинениями в великорусском шовинизме Советы значительно расширили границы этих республик за пределы, соответствующие строгому этнолингвистическому разделению. Некоторые территории, например российский Крым, могли без проблем передать другой республике (в данном случае – Украине). Новороссия («Новая Россия» – Донецкая область), в отличие от Малороссии («Малая Россия» – Украина), могла

быть передана в ведение администрации Киева, а не Москвы также без всяких проблем. Большевики не предполагали, что эти границы станут границами независимых государств.

2. Русские покорили страны Балтии в то же время, когда англичане обосновались в Ирландии. При этом русские не совершали никаких действий, сопоставимых со зверствами англичан. Они уважали права местных землевладельческих элит (в данном случае – прибалтийских баронов немецкого происхождения) и не дискриминировали местное население, с которым обращались, конечно, плохо – так же, как с крепостными Великой России. Российские страны Балтии, безусловно, не испытали ничего похожего на дикое обезземеливание ирландского народа в Северной Ирландии, который изгнали после вторжения оранжистов. Позже Советский Союз восстановил основные права прибалтийских республик, разрешив им использовать родные языки и развивать свою культуру.

3. Экспансия царской империи за пределы славянских регионов не сравнима с колониальным завоеванием стран западного капитализма. Насилие, осуществляемое «цивилизованными» странами в своих колониях, не имеет себе равных. Оно представляет собой накопление через разорение целых народов путем их прямого истребления (геноцида) в случае необходимости (истребление североамериканских индейцев и австралийских аборигенов англичанами – это всего лишь два примера) или (в качестве альтернативы) жесткого контроля со стороны колониального правительства (как это было в Индии, Африке и Юго-Восточной Азии). Именно потому, что царская система еще не была капиталистической, территории завоевывались без разорения жителей. Некоторые из покоренных народов были интегрированы в состав империи и русифицированы в разной степени, в част-

ности за счет использования русского языка, при этом свой часто забывался. Так было со многими тюрко-монгольскими национальными меньшинствами, хотя они сохранили свою религию, будь то ислам, буддизм или шаманизм. Другие сохранили свою национальную и языковую самобытность – Закавказье и Средняя Азия к югу от Казахстана. Ни один из этих народов не был истреблен, как североамериканские индейцы или австралийские аборигены. Жесткое авторитарное управление завоеванными территориями и российское высокомерие не позволяют окрасить эту историю в розовый цвет. Но оно менее черное, чем поведение англичан в Ирландии (хотя и не в Шотландии), Индии, Северной Америке или французов в Алжире. Большевики раскрасили эту историю в оттенки черного по уважительным классовым причинам.

Советская система принесла перемены к лучшему. Она дала республикам, регионам и автономным округам, созданным на огромной территории, право на свое культурное и языковое выражение, которое презиралось царским правительством. Соединенные Штаты, Канада и Австралия никогда не делали этого для коренных народов и не готовы сделать это сейчас. Советское правительство сделало гораздо больше: оно создало систему перевода капитала из богатых регионов Союза (западной части России, Украины, Белоруссии, а затем стран Балтии) в развивающиеся регионы на востоке и юге. Это стандартизировало систему оплаты труда и социальные права на всей территории Союза, чего западные державы никогда не делали для своих колоний. Другими словами, Советы разработали систему настоящей помощи в целях развития, что разительно контрастирует с ложной «помощью в целях развития» от так называемых стран-доноров сегодня.

Не было никакой веской причины для распада этой системы, полностью интегрированной на уровне Союза.

Не было объективной необходимости для распада Союза на независимые государства, которые иногда даже конфликтовали. Болтовня западных СМИ о «неизбежном конце империй» не выдерживает никакой критики. Тем не менее, СССР действительно развалился, и это требует объяснения.

Распад СССР: неизбежность или стечение недавно сложившихся обстоятельств

Народы Советского Союза не выбрали независимость. Перед провозглашением деклараций о независимости ни в России, ни в других странах Союза власти (которых не избирали) не проводили никаких выборов. Господствующие классы республик, прежде всего России, несут полную ответственность за роспуск Союза. Важно понять, почему они сделали этот выбор. Лидеры республик Центральной Азии не хотели отделяться от России. Россия поставила их перед фактом: Союз распущен.

Ельцин и Горбачёв, которые загорелись идеей полностью и немедленно восстановить либеральный капитализм посредством «шоковой терапии», хотели избавиться от обременительных республик Средней Азии и Закавказья (которые в Советском Союзе получали дотации от России). Европа взялась за отделение прибалтийских республик и сразу же присоединила их к Европейскому союзу. В России и Украине одни и те же олигархи, вышедшие из недр советской номенклатуры, захватили политическую власть и основные активы крупных промышленных комплексов советской экономики, которые были быстро приватизированы исключительно в их интересах. Именно эти игроки приняли решение о разделении на различные государства. На этом начальном эта-

пе ни США, ни Европа не несут ответственности за катастрофу. Но они сразу поняли свою выгоду от исчезновения Союза и стали активно вмешиваться во внутренние дела двух стран (России и Украины), разжигая вражду между их коррумпированными олигархами.

Конечно, крах не является исключительно результатом катастрофического выбора правящих классов в 1990–1991 гг. Советская система загнивала, по крайней мере, лет двадцать. Отказ от революционной демократии 1917 г. в пользу авторитарного управления в новом советском государственном капитализме явился следствием косности и жесткости брежневской эпохи, стремления политического правящего класса к капитализму, что привело к катастрофе.

Путинская Россия сохранила неолиберальную капиталистическую модель внутреннего экономического управления (в виде «Парка Юрского периода», по выражению Александра Бузгалина), несмотря на это «коллективный империализм» («Большая семерка» – США, Европа и Япония) не принял ее в качестве равноправного партнера. Цель Вашингтона и Брюсселя – уничтожение российского (и украинского) государств, превращение их в регионы экспансии капитализма западных олигополий. Путин узнал об этом позже, когда западные державы подготовили, профинансировали и поддержали то, что можно описать только как еврофашистский государственный переворот в Киеве.

Сейчас вопрос ставится так: порвет ли Путин с экономическим неолиберализмом, чтобы приступить, как другие (в частности Китай), к проекту экономического и социального возрождения, «евразийской» альтернативе, о намерении запустить который он объявил? Следует понимать, что этот проект можно реализовать, только если «стоять на двух ногах»: проводить как независимую

внешнюю политику, так и экономические и социальные преобразования.

Двойные стандарты?

Сравнивая ситуации в Шотландии и на Украине, отметим лишь двуличность в словах и действиях западных держав – они на самом деле используют двойные стандарты. Двуличие проявилось при решении других вопросов, выходящих за рамки данной главы (напомним, как Запад отстаивал единство Германии, за которое жители присоединенной Восточной Германии дорого заплатили, но выступал против единства Югославии, Ирака и Сирии). На самом деле, выбор правительств коллективного империализма (США, Европы, Японии) определяет один единственный критерий: точка зрения доминирующего финансового капитала. И чтобы удостовериться в этом, продолжим анализ системы современного капитализма.

Государство при современном капитализме

Почему и как эта доминирующая политика используется для укрепления государства в одном случае и для его уничтожения – в другом? Ответ на этот вопрос состоит из трех частей:

1. С 1980 г. в капиталистическом производстве происходила качественная трансформация. Ее можно кратко описать следующим образом: появление глобализированной производственной системы, которая постепенно вытесняет более ранние национальные производственные системы (это были автономные и одновременно агрессивные открытые системы в центре и подчиненные,

в разной степени и в различных формах, системы в перифериях). Национальные производственные системы сформировали иерархическую мировую систему (для которой характерны, помимо всего прочего, контраст центра/периферии и иерархия империалистических держав).

В 1970-х гг. Суизи, Магдофф и я выдвигали этот тезис, сформулированный Андре Гундером Франком и мной в работе, опубликованной в 1978 г. Мы утверждали, что монополистический капитализм вступает в новую эру, характеризующуюся постепенным – но быстрым – разрушением национальных систем производства. Производство растущего числа рыночных товаров не может больше определяться маркой «Сделано во Франции» (или в Советском Союзе, или в Соединенных Штатах), на смену приходит – «Сделано в мире», потому что производство в настоящее время разбито на сегменты, расположенные по всему миру.

Признание этого общеизвестного факта не означает, что есть только одна основная причина рассматриваемого преобразования. Я объясняю это усилением степени централизации в управлении капиталом со стороны монополий, который я описал как переход от капитализма монополий к капитализму всеобщих монополий. В течение пятнадцати лет (с 1975 по 1990 г.) многие такие монополии (или олигополии), расположенные в государствах господствующей триады (США, Европа, Япония), стали контролировать всю производственную деятельность в своих странах и во всем мире, сократив круг участников *де-юре* или *де-факто* до субподрядчиков. Они стали получать значительную долю прибыли от деятельности субподрядчиков, что привело к увеличению отрыва доминирующих монополий в системе. Благодаря информационной революции (наряду с другими факторами) появились средства, обеспечивающие

возможность управления этой глобально рассредоточенной системой производства. Но эти средства реализуются только в ответ на новые объективные потребности, обусловленные ускоренным продвижением централизованного контроля капитала. Для других эти средства – информационная революция и революция в технологии производства – сами по себе являются причиной данной трансформации.

Разрушение национальных производственных систем, являющихся продуктом длительного развития капитализма, затрагивает практически все страны мира. В центрах (в триаде) это разрушение может быть относительно медленным и ограниченным благодаря весу (влиянию) унаследованной и до сих пор активной системы, но каждый день оно продвигается все дальше. С другой стороны, в производственных системах периферий, достигших определенных успехов в строительстве модернизированной национальной промышленной системы (Советский Союз, Восточная Европа), и в меньшей степени в некоторых районах Азии, Африки и Латинской Америки агрессия капитализма всеобщих монополий (через подчинение – добровольное или вынужденное – принципам так называемого глобализированного неолиберализма) выражается в насильственном, быстром и полном разрушении этих национальных систем и трансформации местной производственной деятельности в субподрядную. Прибыль всеобщих монополий триады, получающих выгоду от этого разрушения, – это империалистическая рента. С точки зрения периферий, это преобразование может быть описано как повторная компрадоризация. Данный процесс затрагивает все страны бывшего Восточного блока (Советского Союза и Восточной Европы), а также все страны Юга (только Китай в какой-то степени является исключением).

Появление глобализированной системы производства исключает целостную политику «национального развития» (разнообразную и разной степени эффективности), но это не заменяется новой целостностью глобализированной системы. Причиной является отсутствие глобализированной буржуазии и глобализированного государства (рассмотрим это позднее). Следовательно, глобализированная система производства нецелостна по своей природе.

Еще одним важным следствием качественного преобразования современного капитализма является появление коллективного империализма триады, который занимает место исторических национальных «империализмов» (Соединенных Штатов, Великобритании, Японии, Германии, Франции и некоторых других). Коллективный империализм видит смысл своего существования в осознании буржуазией в триаде народов необходимости совместного управления миром, в частности, подчиненными (или подлежащими подчинению) обществами периферии.

2. Некоторые исследователи из тезиса о появлении глобализированной системы производства делают два вывода: появление глобализированной буржуазии и глобализированного государства (оба найдут свою объективную основу в этой новой системе производства). Мое видение текущих изменений и кризисов приводит меня к отказу от этих двух выводов.

Не наблюдается формирования глобализированной буржуазии (или господствующего класса) ни в мировом масштабе, ни в странах империалистической триады. Идет увеличение прямых и портфельных инвестиционных потоков из триады (в частности, основные потоки распределяются между трансатлантическими партнерами). Тем не менее, основываясь на критическом толко-

вании большинства эмпирических работ по этой теме, подчеркну, что централизация контроля над капиталом монополий гораздо активнее происходит в национальных государствах триады (Соединенные Штаты, каждый член Европейского союза, Япония), чем в отношениях между партнерами триады и даже между членами ЕС. Происходит конкуренция буржуазий (или олигополистических групп) как внутри стран (и национальное государство управляет этой конкуренцией, по крайней мере, в некоторой степени), так и между странами. Таким образом, немецкие олигополии (и немецкое государство) взяли на себя руководство европейскими делами не ради равного блага всех, но в первую очередь для своего собственного блага. На уровне триады очевидно, что буржуазия США руководит альянсом, опять же, с неравномерным распределением благ.

Идея, что объективная причина – появление глобализированной системы производства – с необходимостью влечет за собой появление глобализированного господствующего класса, основана на базовой гипотезе о целостности системы. В действительности, она может и не быть целостной; она на самом деле не является целостной, следовательно, эта хаотичная система нежизнеспособна.

На периферии глобализация системы производства происходит параллельно с заменой гегемонии блоков ранних эпох гегемонией нового блока, где доминирует новая компрадорская буржуазия, и только она получает выгоду от разрушения прежних систем (средства, с помощью которых было осуществлено это преобразование, хорошо известны: приватизация частей старой разрушенной системы, активы которых продавались по символическим ценам, не соизмеримым с их реальной стоимостью). Новая компрадорская буржуазия не является ча-

стью глобализированной буржуазии, это подчиненный союзник буржуазии господствующей триады.

Как нет глобализированной буржуазии, находящейся в процессе формирования, так нет и глобализированного государства на горизонте. Основная причина в том, что нынешняя глобализированная система не смягчает, а, напротив, обостряет конфликты (существующие или потенциальные) между обществами триады и остального мира. Я, действительно, имею в виду конфликт между обществами и, следовательно, возможный конфликт между государствами. Преимущество господствующего положения триады (империалистическая рента) позволяет руководящему блоку, формирующемуся вокруг всеобщих монополий, извлечь выгоду из легитимности, которая выражается в сближении всех основных избирательных партий (правых и левых), их равной приверженности неолиберальной экономической политике и постоянном вмешательстве в дела периферии. С другой стороны, неокмпрадорская буржуазия на периферии не является ни законной, ни заслуживающей доверия в глазах собственного народа (потому что политика, которой она служит, не позволяет «догнать» и чаще всего приводит в тупик деклассированного развития). Непостоянство существующего правительства является правилом в данном контексте.

Как нет глобализированной буржуазии даже на уровне триады или Европейского союза, так нет и глобализированного государства на этих уровнях. Есть только союз государств, которые охотно принимают иерархию, позволяющую альянсу функционировать: общее руководство осуществляет Вашингтон, а руководство в Европе – Берлин. Национальному государству остается только служить глобализации – такой, как она есть. Это – активное государство, потому что того требуют распространение неоли-

берализма и угроза внешнего вмешательства. Ослабление данного государства из-за возможного распада (по любой из множества причин) нежелательно для капитала всеобщих монополий (отсюда и враждебность по отношению к шотландскому вопросу, рассмотренному выше).

Адепты постмодернистских течений считают, что современному капитализму не нужно государство, чтобы управлять мировой экономикой; что государственная система постепенно отмирает, уступая место гражданскому обществу. Не буду возвращаться к аргументам против этой наивной идеи (я приводил их в других работах), тем более что она распространяется господствующими правительствами и СМИ, находящимися у них на службе. Нет капитализма без государства. Капиталистическая глобализация не может осуществляться без вмешательства вооруженных сил Соединенных Штатов и управления долларом. Очевидно, что вооруженные силы и деньги являются инструментами государства, а не рынка.

Но так как мирового государства нет, Соединенные Штаты намерены выполнять эту функцию. Общества триады считают эту функцию законной; другие общества – нет. Но какое это имеет значение? Самопровозглашенное «международное сообщество» («Большая семерка» плюс Саудовская Аравия, которая, несомненно, стала демократической республикой) не признает законность мнения 85 % мирового населения!

Таким образом, существует асимметрия между функциями государства в господствующих империалистических центрах и в подчиненной (или подлежащей подчинению) периферии. Государство на компрадорской периферии всегда является нестабильным и, следовательно, в любом случае – потенциальным врагом.

Есть враги, с которыми господствующие империалистические державы вынуждены сосуществовать, по край-

ней мере, на данный момент. Например, Китай, который отвергает (до сих пор) неоконпрадорский выбор и реализует свой независимый проект комплексного и последовательного национального развития. Россия стала врагом, как только Путин отказался от политического сотрудничества с триадой и захотел заблокировать ее экспансионистские амбиции на Украине, даже если он не рассматривал (или еще не рассматривал?) выход из колеи экономического либерализма.

Подавляющее большинство компрадорских государств на Юге (государств, служащих своей компрадорской буржуазии) являются союзниками до тех пор, пока каждое из них создает впечатление, что несет ответственность за свою страну. Но лидеры в Вашингтоне, Лондоне, Берлине и Париже знают, что эти государства являются хрупкими. Как только народное революционное движение с жизнеспособной альтернативной стратегией (или без нее) угрожает одному из этих государств, триада присваивает себе право вмешаться. Вмешательство может привести даже к разрушению этих государств, а вслед за этим – и соответствующих обществ. Эта стратегия в настоящее время реализуется в Ираке, Сирии и других странах. Смысл существования стратегии военного контроля триадой во главе с Вашингтоном полностью укладывается в это «реалистическое» видение, которое противоречит наивному мнению а-ля Негри о глобализованном государстве в процессе формирования.

3. Предоставляет ли появление глобализованной системы производства странам периферии больше шансов «догнать» центр?

Идеологическая пропаганда доминирующих сил, например, выражаемая Всемирным банком, должна заставить нас поверить, что, присоединившись к глобализации и играя в конкуренцию, мы добьемся значительных

и даже невероятных темпов роста, и тогда повысятся шансы догнать страны центра. В странах Юга социальные и политические силы, которые поддерживают неолиберализм, очевидно, исповедуют эту точку зрения. Наивные левые (снова в манере Негри) делают то же самое.

Повторю: если бы перспектива догнать страны центра с помощью капиталистических методов и в рамках глобализованного капитализма была возможна, то ни одна социальная, политическая или идеологическая сила не смогла бы ее заблокировать, даже во имя другого, более предпочтительного будущего для всего человечества. Но это просто невозможно: развитие глобализованного капитализма на всех этапах его истории, сегодня – в условиях возникновения глобализованной производственной системы (как и на более ранних стадиях), может только производить, воспроизводить и увеличивать контраст между центром и периферией. Капиталистический путь является тупиковым для 80 % человечества. Следовательно, периферия остается «неспокойной зоной». Какие же есть варианты? Альтернатива одна – построить автономную национальную систему, основанную на создании самодостаточной промышленности в сочетании с обновленным сельским хозяйством, обеспечивающим продовольственный суверенитет. Это не вопрос ностальгии о прошлом (советском или национальном), речь идет о создании условий для второй волны пробуждения народов Юга, которые могли бы объединиться в своей борьбе с народами Севера – тоже жертвами дикого капитализма в условиях кризиса (и появляющаяся глобализованная производственная система производства им также ничего не предлагает). Тогда человечество сможет продвинуться на длинном пути к коммунизму, к более высокой ступени развития человеческой цивилизации.

Литература

О России, Советском Союзе, а также украинском конфликте см.: Амин С. За пределы гегемонии США? Оценка перспектив. Лондон: Zed Press, 2006;

Глобальная история: взгляд из Южного Оксфорда. Pambazuka Press, 2011;

Возвращение фашизма в современном капитализме // Monthly Review (Ежемесячное обозрение). 66, № 4 (сентябрь 2014): 1–12;

Россия и украинский кризис // Pambazuka Press. № 674 (2014-04-17);

Бузгалин А. Запад – Украина – Россия: Многомерность противоречий, определение позиции: интервью, <https://www.youtube.com/watch?v=z7uaK9Qic2A>

Примечание

1. *Кеннеди П.* Взлет и падение великих держав. Нью-Йорк: Random House, 1987.

3. Тридцать лет критики советской системы (1960–1990)

Внезапный и полный крах политических систем Восточной Европы и СССР всех застал врасплох, за исключением людей с врожденной склонностью к пророчествам. Теперь, когда фактор неожиданности прошел, полезно снова взглянуть на анализы этих систем, которые выполнялись в течение 30 лет. Возможно, это прозвучит самоуверенно, но с 1960 г. я участвовал в одном левом движении, которое предвидело катастрофу в период с 1989 по 1991 г. Конечно, крах, о котором мы думали, весьма вероятно, не был единственно возможным выходом из кризиса советской системы. Я не верю ни в какой неизменный линейный детерминизм в истории. Противоречия, пронизывающие любое общество, всегда можно разрешить различными способами в зависимости от их классового содержания. Всегда существовала вероятность того, что советский режим повернет вправо (как это и произошло) либо будет развиваться (или повернет) влево. Последняя возможность исключена на ближайшее будущее, но она остается на повестке дня не только потому, что у истории нет конца. Просто я сомневаюсь, что «правый» выбор стабилизирует общества Востока даже в среднесрочной перспективе.

Анализы, суждения и даже прогнозы должны рассматриваться в соответствующем контексте, хотя на них всегда в той или иной степени влияют обстоятельства рассматриваемых изменений. В течение этих 30 лет советская система развивалась, стремилась справиться с кризисом и прошла несколько этапов.

Период после смерти Сталина в 1953 г., особенно начиная с XX съезда в 1956 г. и до падения Хрущёва в 1964 г., был отмечен первой попыткой осуждения сталинизма и открытой идеологической и политической дискуссией между Москвой и Пекином. Следующий период, так называемого брежневского застоя («состояние паралича»), продолжался до прихода Горбачёва в 1985 г., попытка которого осуществить перестройку после 1985 г. закончилась развалом страны (1989–1991 гг.).

Китай в это время также ищет альтернативные решения проблем построения социализма. Попытка маоистов в 1961–1976 гг. привела к культурной революции 1966 г., потом последовал спад, следствием которого стала экономическая и политическая стратегия Дэн Сяопина, характерная для 1980-х гг.

Эволюция и смена ее этапов должны согласовываться с событиями, происходящими в мире. Имеется в виду капиталистическая экспансия и строительство Европейского экономического сообщества (ЕЭС); конкуренция между Соединенными Штатами, Японией и Европой; баланс двух сверхдержав в военной сфере и политические ответы в гонке вооружений. В брежневский период это проявлялось в виде советских инициатив, направленных на страны третьего мира, и конфликта с Китаем, с одной стороны, и стратегии холодной войны США (в том числе программа «звездных войн» после 1980 г.) – с другой. Внутренняя и международная политики в течение этих тридцати лет были связаны между собой.

Конечно, советская система появилась не в 1960 г., и наши размышления основаны на анализе как русской революции 1917 г., так и китайской революции, а также ленинизма, маоизма и сталинизма. Мы не предлагаем новое прочтение семидесятипятилетней советской истории. Не будем рассматривать и сорокалетний период

(1917–1957 гг.), когда последовательные фазы эволюции советской системы были связаны с различными моментами мировой истории, как и послевоенный сталинизм, и начало холодной войны.

Добавлю от себя лично. Как египтянин я жил при «насеристах», а в 1960 г. понял, что насеризм приведет к тому, что происходило с 1971 г. – к «политике открытых дверей» (инфитах) Садата: возвращению к колыбели компрадоризации. Те же опасения я испытывал при первой волне «социалистических» опытов в Африке (в Алжире, Мали, Гвинее и Гане) в первой половине 1960-х гг. В то время это мнение отвергалось подавляющим большинством египетских и международных левых, что вынудило меня поддерживать Коммунистическую партию Китая в критике советского руководства. Критика выражалась в завуалированной форме в 1957 и 1958 гг., затем (в 1964 г.) открыто – в «Письме из двадцати пяти пунктов» («Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения») и наиболее заметно – в культурной революции после 1966 г. Это было началом правильного ответа на «кризис социализма» (на Западе эта тема стала популярной в 1968 г.).

После 1960 г. (даже после 1957 г.) я перестал рассматривать советское общество как социалистическое или считать, что власть рабочих была «деформирована бюрократией», по известному выражению троцкистов. Я с самого начала считал правящий эксплуататорский класс (я имею в виду именно класс) буржуазией. Этот класс, номенклатура, увидел себя в зеркале Запада, который он пытался копировать. Мао великолепно описал это в своем обращении к кадрам Коммунистической партии Китая в 1963 г.: «Вы (т. е. китайские партийные кадры, такие же, как в СССР) создали буржуазию. Не забывайте: буржуазия не хочет социализма, она хочет капитализма».

Из анализа партии и отношения масс к властям я сделал логические выводы. Для меня было очевидно, что массы не видели в органах власти своих представителей, хотя те продолжали объявлять себя социалистами; люди видели в них, скорее, настоящих социальных противников – и были правы. В этих условиях партия долго была разлагающимся трупом, который стал инструментом социального контроля над массами, осуществляемого эксплуататорским господствующим классом. Коммунистическая партия, возглавлявшая работу репрессивных институтов (таких, как КГБ), организовала сеть агентов среди населения посредством контроля и распределения всех социальных льгот, даже малейших, тем самым пресекая на корню возможное восстание. Такого рода партия ничем не отличается от существующих при однопартийных системах в странах третьего мира, которые играют ту же роль (например, насеризм, алжирский Фронт национального освобождения, Партия арабского социалистического возрождения и длинная череда партий власти в Мали, Гвинее, Гане, Танзании, а также других, которые скатывались к радикальному национализму, или таких стран, как Кот-д'Ивуар, которые открыто выбрали капитализм). Эта общая схема соответствует ситуации, когда появившаяся буржуазия еще не имеет идеологической гегемонии («идеология господствующего в обществе класса становится идеологией данного общества», – сказал Маркс о зрелом капитализме) и не имеет законной власти (это потребует консенсуса, возможного, когда общество присоединится к идеологии правящего класса).

Такое осуществление власти разделяет население, деполитизирует его и наносит вред, который не следует недооценивать. События показали, что в СССР деполитизация зашла столь далеко, что люди считают режим, от

которого они избавились, социалистическим и просто-душно признают, что капитализм лучше.

Все элементы системы рухнули, как карточный домик, как только лидеры утратили государственную власть. Никто не был готов рисковать своей жизнью, чтобы защитить такой государственный аппарат. Именно поэтому борьба в верхушке такой партии всегда принимает форму дворцовых переворотов, причем низы безотказно принимают тех, кто становятся победителями. Я не был удивлен ни мгновенным преобразованием социалистического союза Насера в садатизм, ни спонтанным исчезновением других похожих партий во многих странах третьего мира. Не был я удивлен и пассивностью, которую продемонстрировали «миллионы» советских коммунистов после 1989 г.

Даже если я четко понимал, что советское общество не было социалистическим, мне всегда было трудно описать его в позитивном ключе. Не буду перечислять причины, по которым я отказался от мнения, что основополагающие принципы социализма были реализованы (я объяснял это много раз). Для меня социализм означает нечто большее, чем уничтожение частной собственности (отрицательная характеристика); у него есть положительная концепция альтернативных трудовых отношений, основанных не на статусе заработной платы, и альтернативных общественных отношений, позволяющих обществу в целом (а не государственному аппарату, действующему от его имени) контролировать свое социальное будущее. Это означает демократию гораздо более продвинутую, чем лучшая буржуазная демократия. Ни по одному из этих параметров советское общество не отличалось от индустриального буржуазного общества, и когда СССР отошел от своих первоначальных целей, он стал даже хуже, так как авторитаризм приблизил его к

модели, характерной для стран периферийного капитализма.

Я отказался описывать СССР как капиталистическое государство, хотя его правящий класс, на мой взгляд, является буржуазным. Мой аргумент состоит в том, что капитализм подразумевает рассредоточение собственности капитала как основу конкуренции, а государственная централизация этой собственности руководствуется другой логикой накопления. С политической точки зрения, я считаю, что революция 1917 г. не была буржуазной в силу характера социальных сил, которые ее инициировали, а также идеологии и социальной программы ее ведущих сил. Это не рядовое мнение.

Я не придавал большого значения позитивному описанию системы. Я использовал различные термины, такие как «государственный капитализм» и «государственно-монополистический капитализм», неоднозначность которых я критиковал, и остановился на нейтральном термине «советский способ производства». Мне более важными казались вопросы происхождения, формирования и эволюции системы и в этом контексте – ее будущего.

Я не отношусь к тем, кто всегда сожалел о революции 1917 г. («Это не должно было случиться, потому что объективных условий для построения социализма не существовало; надо было остановиться на буржуазной революции»). На мой взгляд, мировая экспансия капитализма является «поляризационной» (неравномерной), и народы на периферии системы, которые являются ее жертвами, неизбежно восстанут против ее последствий, и в этом их можно только поддержать. Остановиться на буржуазной революции означает предать эти народы, поскольку периферийный капитализм, который обязательно следует, не дает приемлемых решений проблем, ставших причиной восстания.

Русская и китайская революции положили начало длительному переходу, исход которого неизвестен. Динамика их эволюции может привести к центральному или периферийному капитализму, а в обществе (и в мировом масштабе) они могут способствовать прогрессу на пути к социализму. Важно проанализировать объективное направление движения к социализму. Я по-прежнему поддерживаю два тезиса, которые казались мне важными при анализе советской эволюции.

Коллективизация, как ее проводил Сталин после 1930 г., разрушила рабоче-крестьянский союз 1917 г., укрепила авторитарный государственный аппарат и открыла путь к формированию «нового класса» – советской государственной буржуазии. Из-за некоторых исторических ограничений ленинизм невольно подготовил почву для этого фатального выбора. Я имею в виду, что ленинизм не порвал окончательно с экономизмом Второго интернационала (читайте: западного рабочего движения) – об этом свидетельствует его концепция социальной нейтральности технологий.

Приступая к длительному переходу, общество сталкивается с противоречивыми требованиями. С одной стороны, оно должно догнать, в прямом смысле – обеспечить развитие производительных сил. С другой стороны, в своем стремлении к социализму оно предлагает альтернативу построения общества, свободного от экономического отчуждения. Что характерно, приносятся в жертву два источника богатства: человек рассматривается как рабочая сила, а природа – как неисчерпаемый объект эксплуатации (человеком). Можно ли это делать? Я всегда думал, что да, но с большим трудом: прагматический компромисс состоит в постепенном движении в направлении альтернативы. Экономизм ленинизма сохранил семя выбора, который постепенно приведет к

торжеству цели «догнать» над целью «достичь альтернативы».

Моя ранняя поддержка маоизма и Культурной революции, которую я не отрицаю, вытекает из этого анализа. (Я был поражен тем, что Ленина удивило предательство Каутского в 1914 г.). Я поддерживал тезис о том, что Мао осуществил подлинный возврат к марксизму, который был искажен западным рабочим движением (и империализм несет свою долю ответственности за этот дрейф) до того, как был искажен (и отчасти до сих пор искажен) ленинизмом.

Маоизм предложил критический анализ сталинизма «слева», в то время как Хрущев «зашел справа». Хрущев говорил о недостаточном учете экономических трудностей технологической и научной революции, глобализации и политических последствий предоставления более широких полномочий директорам предприятий – советской буржуазии. Хрущев говорил, что в этих условиях мы догоним быстрее. Мао говорил, что на каждом шагу необходимо помнить о конечной цели. Это был истинный смысл «командной реализации политики» (в значении, которое не имеет ничего общего с поспешным обвинением в волюнтаризме). Чтобы не потерять из виду конечную цель, маоизм настаивал на равенстве рабочих и крестьян (важно как для Китая, так и для России 1930-х гг.) в целях укрепления их союза. Я объяснял цель с точки зрения реализации закона стоимости: 1 – сдаться правящему в мире капитализму и тем самым принять развитие в условиях периферийного капитализма; 2 – предусмотреть построение самоориентированной национальной экономики, обособленной от мировой системы, но аналогичной экономике развитого капитала (закон стоимости, регулирующий советский государственный способ производства и породивший советскую национальную

буржуазию); 3 – установить отношения между населением на основе закона стоимости социалистического перехода.

Мао справедливо полагал, как впоследствии показала эволюция СССР и Китая, что этот вопрос должен быть проработан на уровне власти: бросить вызов монополии коммунистической партии, горнилу новой буржуазии. Отсюда – дацзыбао, запустившие культурную революцию: «огонь по штабам» (Коммунистической партии). Был ли он неправ, полагая, что это единственный способ усилить рабочий контроль над обществом и заставить бюрократию отступить? Он не верил, что уступки законам рынка – предоставление больших полномочий директорам предприятий, увеличение конкуренции между предприятиями – продвинут общественную власть народа. Был ли он прав? Я не говорю, что не надо делать уступок рынку. В свое время новая экономическая политика успешно это делала. Это надо делать, и более смело, чем делалось раньше, но тогда были другие условия.

Уступки должны сопровождаться политической демократизацией. При этом подлинная власть рабочих должна закрепляться, чтобы противостоять власти буржуазных технократов. Рынок должен быть включен в государственную политику, основанную строго на законе стоимости, при переходе к социализму.

Югославы пытались, но плохо и слишком робко: они были слишком открыты вовне; уступки были слишком велики; усилились внутренние тенденции к неравенству между республиками во имя конкурентоспособности; чрезмерная децентрализация поставила самоуправляемые коллективы в условия взаимной конкуренции. В СССР в этом направлении ничего не было сделано, как и в Китае (за исключением благих намерений маоистского периода, от которых впоследствии отказались).

Я до сих пор считаю, что Мао был прав, даже если кажется, что последующая эволюция Китая противоречит этому. Напротив, эволюция подтверждает, что уступки капитализму усиливают буржуазию и ослабляют шансы населения. Это несомненно так, и необходимо, даже сегодня, оглядываясь назад, начать дискуссию по исторической ограниченности Мао, как это было сделано в отношении Ленина (его недостаточный разрыв с экономизмом) и даже Маркса (его недооценка поляризации, присущей всемирной капиталистической экспансии).

Главный вопрос относительно советского способа производства – было ли это неуравновешенное решение, характерное для переходного периода к капитализму (или социализму), или новый и стабильный способ, который, несмотря на свои недостатки, указывал будущее другим нормальным капиталистическим обществам.

В 1975–1985 гг. я думал, что советский способ производства был стабильной и передовой формой, которая должна возникнуть повсеместно при нормальной тенденции развития капитала в силу самого акта централизации капитала – от частной монополии к государственной. Тогда имелись соответствующие признаки. Я не говорю о кажущейся стабильности СССР эпохи Брежнева. Я имею в виду ранних теоретиков (например, теорию Бухарина о государственно-монополистическом капитализме) или предложения того времени: обнаруженное Яном Тинбергенем сближение систем, объединяющее не только СССР и развитый Запад, но и позиции левых социальных демократий (в Швеции, например, в отношении плана профсоюзов скупать промышленность) и еврокоммунистов. Казалось, что государственная централизация капитала путем подавления конкуренции при непрозрачности рынка демонстрировала сходство цен, устанавливаемых монополиями и Госпланом. Эта парал-

тельная эволюция способствовала возвращению к доминированию идеологии.

Такая идеология была не возвращением к метафизическим религиям родоплеменного периода, а идеологией торжествующей «товаризации». В книге «1984» Джорджа Оруэлла был создан сильный образ и проведен анализ феномена «единодушного согласия» в якобы либеральных и демократических обществах Запада в «Одномерном человеке» Герберта Маркузе, который напомнил мне о прочтении Карла Полаanyi. Почему государственный режим не может быть высшей формой капитализма? Советский режим, несмотря на свою примитивную форму, предсказал мрачное будущее. (Как счастлив был бы Сталин, имея он CNN, а не газету «Правда» для формирования единодушного общественного мнения, как это было во время войны в Персидском заливе!)

Я добавил свое наблюдение: при буржуазной революции борьба крестьян против феодалов закончилась не победой угнетенных, а подъемом третьей стороны – буржуазии. Почему борьба рабочих (или наемных работников) против капиталистов не может стать делом «нового класса»?

События показали, что я был неправ. Советская власть оказалась неустойчивой, и наступление правых по всему миру с 1980 г. шло в другом направлении: процветали дерегулирование и приватизация.

Возвращаясь к самокритике. Неважно, что советская модель оказалась неспособной стать альтернативой, постепенно копируемой другими. События показали, что она ею не стала, но это может отражать только ее собственные слабые стороны. Это не означает, что в других частях развитого мира после последней волны либеральной утопии эволюция не может следовать по пути, начертанному старым СССР.

Вернусь к более отдаленным соображениям и нестабильности перехода, при котором советская модель свидетельствует о завершении исторического цикла. Мне казалось, что в названии «социалистическая фаза» было больше обмана, чем пользы. Признаю, что это может быть описано как примитивный социализм. Еще до распада советской системы в 1989 г. мне казалось, что правильнее обозначить этот переход как «национальный и народный». Таким образом подчеркивается противоречие между целями этой фазы и логикой мировой капиталистической экспансии (его описание как национального символизирует противоречие – применительно к моей концепции нарушения связи). Противоречиво содержание народного блока, который не был ни буржуазным, ни пролетарским со склонностью к социализму. Длительный переход неустойчив по своей природе: он может привести как к капитализму (это случилось в СССР), так и к чему-нибудь другому (я вернусь к этому вопросу в заключении).

Теперь, когда советский цикл завершен, необходима его оценка. В целом, он не является ни положительным, ни отрицательным. СССР, а затем Китай и даже страны Восточной Европы построили современные самоориентированные экономики, которые не смогла построить ни одна страна периферийного капитализма. Согласно моему анализу, это произошло потому, что советская буржуазия была порождена народной, национальной и так называемой социалистической революцией, а буржуазия третьего мира, созданная на волне мировой экспансии капитализма, как правило, имеет компрадорскую природу. Неоднозначный характер социалистического аспекта революции сформировал общество, в котором рабочие получили социальные права (право на труд и на социальное обеспечение), не име-

ющие аналогов даже в основных развитых капиталистических обществах (где некоторые права были с опозданием получены после тяжелой борьбы, как правило, после мировых войн, и отчасти из-за боязни коммунизма), не говоря уже о периферийных капиталистических обществах.

Сегодня открыта возможность капиталистического выбора для СССР и Восточной Европы, что возвращает на повестку дня вопрос о периферизации их экономики и общества. Народные классы (и даже местная буржуазия) к этому не готовы из-за деполитизации вследствие государственного деспотизма. Я недооценил деполитизацию и катастрофические последствия, которые сегодня очевидны, и подумал, что народы и правящие классы Востока смогут контролировать эволюцию в сторону капитализма, к которой последний стремился, проводя реформы, связанные с постепенным переходом к политической демократизации. Я думал, что в этих обстоятельствах народные классы смогут повернуть эволюцию в направлении общего подъема социализма. Стремления работников к социальным правам и более активной роли в управлении рабочими местами и страной будут более равномерно согласованы с требованиями рынка, включая (но не ограничиваясь) стремления буржуазии. Возрожденный национальный народный союз возобновит дискуссию о социализме в мировом масштабе на Западе и на периферии. Я должен признать, что был не прав, поскольку такая перспектива теперь исключена, и «правая» эволюция в сторону примитивного капитализма является необратимой. Однако я могу оказаться правым в долгосрочной перспективе, когда результаты этой периферизации станут очевидными, когда рабочие поймут, что резкое падение уровня жизни не является кратковременной жертвой переходного периода.

Советская система давно вступила в фазу острого кризиса, который стал завершающим. Система никак не могла перейти от успешного экстенсивного накопления на первой фазе своего существования к интенсивному накоплению. Неудача показала, что в Советском Союзе был не капиталистический способ производства, который по определению основан на интенсивном накоплении. Я проанализировал кризис с точки зрения социальной борьбы путем сопротивления рабочих, благодаря их праву на труд и тому, что директора предприятий не имеют такого статуса как босс на Западе. Я полагал, что закончился период социального компромисса (the social compromise characteristic) первой фазы системы, было создано обширное накопление (и лежащие в его основе модернизация массового образования, высокая социальная мобильность и т. д.). О том же говорил Пальмиро Тольятти, а затем Энрико Берлингуэр. Надо было либо продолжать «левую» критику сталинизма, либо ускорять «правую» эволюцию в сторону обычного капитализма или элитарной модернизации по типу стран третьего мира. Буржуазия выбрала второй путь: рынок, старую историю о принуждении населения к работе посредством угрозы безработицы и приватизацию для упрочения собственного положения путем ограничения социальной мобильности, которая встала на повестке дня в последующие годы существования системы.

Я всегда отказывался рассматривать конкретный кризис советского режима в одном ряду с совершенно отличными кризисами капитализма. Я также отверг анализы системы, предлагаемые капиталистической пропагандой и ополченные в средствах массовой информации.

Проведение различия между экономикой бедности – социализмом и экономикой изобилия – капитализмом

приводит к пустым идеологическим рассуждениям. Очевидно, что бедность, например, выражаемая длинными очередями, является следствием сознательного замораживания цен, что обеспечило широкий доступ к потребительским товарам и было уступкой эгалитарному давлению со стороны большей части населения и средних слоев. Очевидно, что если цены массово растут, то очередей нет, но якобы исчезнувшая бедность по-прежнему существует для тех, кто больше не имеет доступа к потребительским товарам. Магазины в Мексике и Египте забиты товарами, перед мясными магазинами нет очередей, но потребление мяса на душу населения составляет треть от показателей в Восточной Европе. На этом несерьезном заявлении сделал состояние венгр Я. Корнаи, которого поддерживает Всемирный банк.

Командная экономика, в отличие от саморегулируемой экономики, модной у американских ученых, также является возмутительным упрощением. Реальная советская экономика всегда была основана на совмещении регулирования рынка, действующего за пределами плана, и административных распоряжений, особенно в сфере инвестиций. Рынок, идеализируемый в основном либеральной идеологией, никогда не был саморегулирующимся за рамками ограничений социальной системы, в которой он действует, и государственной политики, определяющей его структуру. Настоящая проблема заключается в том, что накопление в рамках государственной централизации капитала (в руках класса, интегрированного в государство) отличается от капиталистического накопления, которое сейчас происходит не в силу идеальных абстрактных рыночных законов, а из-за конкуренции между монополиями.

Уже с 1935 г. приоритетными в экономике стали военные расходы. Означает ли это, что советская система

была военной? Некоторые считают, что для нее был характерен естественный экспансионизм путем завоеваний. Точно так же Жан Жорес утверждал, что «капитализм несет в себе войну, как облако – шторм». С точки зрения идеологии – это чушь. Анализ относительной значимости и социальной нагрузки военных расходов не может проводиться исключительно на основании способов производства. Военные расходы должны быть проанализированы исходя из структуры и конъюнктуры национальных или местных и международных, или региональных глобальных систем. С этой точки зрения, очевидно, что гонка вооружений была навязана СССР его реальными врагами и ложными друзьями среди капиталистических держав.

Рассуждениям о тоталитаризме не хватает согласованности. Они могут принимать как претенциозные академические формы (в стиле Ханны Арентс), так и инфантильные (в средствах массовой информации). Президент Соединенных Штатов, используя выражение «империя зла» для описания противников США, приблизился к стилю иранского аятоллы Хомейни.

Неужели было забыто, что общество, ставшее аморфным, никогда не сможет избавиться от деспотизма?

Я видел в советизме попытку избежать тупика сталинизма, повернув вправо, а не влево. Предложения демонстрировали то, что я назвал «утопией построения капитализма без капиталистов». Новосибирская экономико-социологическая школа (НЭСШ), которая оказала наибольшее влияние на Горбачева, продвигала идеи Леона Вальраса. Они представляли себе чистый и совершенный саморегулирующийся рынок. Как понимал Вальрас, а Энрико Бароне объяснял в 1908 г., – это призыв не к рассредоточенной частной собственности, а к общей государственной централизации собственности. Сторонники

НЭСШ призывали к постоянной борьбе за доступ к средствам производства всех лиц, которые свободно продают свой труд или организуют производство как предприниматели. Давняя мечта Сен-Симона – научное управление обществом, принятая германскими социал-демократами (Энгельс был первым, кто увидел это как мечту о капитализме без капиталистов), выражает экономическое отчуждение всей буржуазной идеологии, чей нереальный и утопический характер был показан историческим материализмом.

Эта философия является ключом к реформистским взглядам Хрущёва и Горбачёва и даже «извращенной» версии брежневского периода. История показала, что эти понятия были несостоятельными, и что дрейф вправо достиг бы цели – преобразования советской буржуазии в нормальную буржуазию, владеющую частной собственностью.

Революция 1989–1991 гг. была направлена сверху вниз – от правящего класса, а не снизу вверх – от народа. Это относится и к контрреволюции Садата в 1971 г.; это была не контрреволюция, а форсирование тенденций, скрыто существовавших в период Насера. Западные средства массовой информации хотели бы представить революции на Востоке как борьбу за свободу; они отказываются анализировать уязвимость демократизации, которая может быть только средством обеспечения перехода к примитивному капитализму, системе, которая всегда является деспотической, как видно из исторического опыта капиталистических периферий. Я считаю, что революции можно считать борьбой за свободу только, если власть берут левые. В своей нынешней форме эти движения были не более чем серьезными и неожиданными катализаторами естественной эволюции системы, несмотря на тезис о тоталитарной блокаде.

Горбачёв думал, что он может контролировать процесс реформ и не ожидал, что его сбросят по решению большинства класса номенклатуры, который он представлял (как показал подъем Бориса Ельцина). Гораздо лучше он предвидел непригодность коммунистической партии для передачи проекта на народный уровень. Советская номенклатурная буржуазия – это буржуазия будущего, прямо передающая средства производства в частные руки, а не коллективно – при посредничестве государства. Это не социальная революция, а политический переворот, настолько обширный, что требует радикальных изменений в руководстве. (То же самое происходило при контрреволюции Садата). Параллельный подъем прослойки новых богатых авантюристов («мафия» в СССР) похож на так называемую паразитическую буржуазию в Египте. Было трудно избежать внезапного политического распада бывшей номенклатуры и манипулирования национальными чаяниями народов бывшего Советского Союза. Это, конечно, дело западных держав. Они воспользовались ситуацией, шантажируя финансовой помощью. Они будут заталкивать Россию в границы Московии XIV в. и задавят все надежды страны стать важным конкурентом на мировой арене.

Здесь тоже предлагаю самокритику. Я думал (как и Горбачёв), что систему можно реформировать. В этом случае, несмотря на то, что план реформ был «правым» в своем видении экономического управления, многообещающие демократические элементы позволят народу повернуть эволюцию влево. Я недооценил разрушительное воздействие деполитизации, которая сделала рабочий класс уязвимым и неспособным выгодно использовать демократизацию и разработать эффективный встречный план. Замешательство сделало людей пассивными, мрачными, они стали легкой добычей для национализ-

ма. Деполитизация была не менее драматичной для правящего класса, который привык к верховной власти. Правящий класс был раздроблен на консерваторов, сторонников Горбачева, правых популистов и т. д. – реформа сверху стала невозможной. Я думал, что сильный национализм этого класса будет основой. Я недооценил свирепый аппетит «кандидатов на потребительство», которые были готовы пожертвовать всем ради скорейшего удовлетворения своего желания быть богатыми. Я также завысил патриотизм советского народа, которому было совершенно наплевать на удовлетворение реальных потребностей своей страны. Отказ от патриотизма в некоторых случаях может быть здоровым; в долгосрочной перспективе он позволяет социальному проекту выйти на передний план. В краткосрочной перспективе отказ от патриотизма чрезвычайно опасен, так как внешние противники не преминут это использовать, чтобы превратить Россию и другие страны бывшего Советского Союза в периферию, в свою, европейскую (в основном германскую) Латинскую Америку.

Для СССР, как и для любого другого исторического общества, внешнеполитические возможности были тесно связаны с требованиями внутренней социальной динамики. Я никогда не поддерживал идеологический тезис о том, что СССР был по своей сути агрессивным или всегда миролюбивым. Я предложил бы реалистичный анализ того, как внутренняя и внешняя динамика может работать в СССР, в Китае, а также в регионах развитого капитализма (Соединенные Штаты, Япония и Европа). Я рассматривал различные сценарии для мировой системы и степени их вероятности. В этом контексте нельзя игнорировать правильную (или искаженную) проекцию реальности господствующими классами. Это справедливо в отношении всех органов власти при исполнении ими

служебных обязанностей (неважно – советских или каких-либо других).

Очевидно, что нет никакой гарантии правильности реалистичного анализа. Любой анализ зависит от происходящих событий и может быть экстраполирован одним или другим образом, который впоследствии будет опровергнут. Приведу несколько примеров, которые дают повод для самокритики.

При анализе внешней политики СССР и ее оценке с гуманистической, демократической и социалистической точки зрения в мировом масштабе следует четко ссылаться на мировую систему, в которой реализовывалась критикуемая политика.

До 1960-х гг. советская система была достаточно изолированной и находилась в состоянии обороны. Точка зрения, к которой я тогда пришел, даже по прошествии времени кажется мне правильной. Я сформулировал несколько тезисов, которые хочу обобщить.

Начиная с 1917 г. фашистские и демократические западные державы ни на минуту не отказывались от идеи победы над СССР. Несмотря на решающую роль Советского Союза в победе над державами «оси», после Второй мировой войны он был опустошен, ему угрожала ядерная монополия Соединенных Штатов. Ялтинские соглашения были не переделом мира между победившими империализмами, а минимальной гарантией, которую Советский Союз выиграл ради собственной безопасности.

Советский Союз, как Китай, Вьетнам или Куба, никогда не стремился экспортировать революцию, а, напротив, всегда практиковал взвешенную дипломатию, основной целью которой являлась защита собственного государства. Все революции проводились практически против воли Большого брата: Китай – вопреки совету Москвы, а Вьетнам и Куба – самостоятельно. Этот факт никогда меня не шоки-

ровал, и я попытался понять причины, не принимая того, что революционеры должны подчиняться диктату Советского Союза. Революционеры должны идти дальше и быть самостоятельными; успешные революционеры это сделали (в Китае, Вьетнаме, на Кубе, в Кампучии и Никарагуа).

Холодная война была инициативой Вашингтона после 1947 г. СССР в Ялте жестко стоял на разделении (отсюда его отношение к революции в Греции) и никогда в своей истории не развивал проект вторжения в Западную Европу. Обсуждение советской воинственности – чисто западная пропаганда. Доктрина Жданова о мире, разделенном на два лагеря, была четко оборонительной (оправдывая невмешательство СССР за пределы обозначенных в Ялте границ) и ознаменовала период западной изоляции СССР и Китая после 1949 г. Атлантические державы никогда не переставали вмешиваться в жизнь стран третьего мира (колониальные войны, агрессия Израиля и т. д.).

Прорыв изоляции Советским Союзом и Китаем начался после Бандунгской конференции 1955 г., когда они увидели преимущества, которые могли бы получить от предоставления помощи, хотя и ограниченной, освободительным движениям третьего мира.

Запоздалые советские военные действия после 1970 г. способствовали сдерживанию и созданию баланса. Тогда и только тогда СССР стал сверхдержавой, и началась новая эра.

На протяжении двадцати лет (до распада СССР в 1989–1991 гг.) биполярность была асимметричной, поскольку СССР являлся сверхдержавой только в военном плане и не мог конкурировать с западными империалистами в их способности к экономической интервенции.

Никогда не было симметрии между действиями двух сверхдержав и их влиянием. Соединенные Штаты (вместе с Европой и Японией в фоновом режиме) использо-

вали дипломатию четких целей и привычных методов для обеспечения господства на периферии (доступа к сырью, рынкам, военным базам и т. д.). Соединенные Штаты установили гегемонию с помощью этой общей стратегии, а когда экономическое преимущество США над союзниками стало ослабевать, они использовали эту стратегию, чтобы сохранить свою гегемонию (война в Персидском заливе является самым последним эпизодом).

Цели советской интервенции за границы, обозначенные в Ялте, определить труднее. Я утверждал, что главная цель состояла в разрушении Североатлантического альянса, разделении Европы и Соединенных Штатов. Советы достигли этого главным образом за счет поддержки освободительных движений в странах третьего мира и национальных радикальных правительств (Палестина и арабский мир, Африканский Рог, Ангола, Мозамбик, «африканские социалистические» государства). Европе напомнили о ее уязвимости и зависимости от поставок нефти, призвали дистанцироваться от Соединенных Штатов и начать переговоры. Стратегическая цель состояла не в ослаблении Европы и вторжении в ее пространство, а в приглашении ее к мирному сосуществованию, способствующему экономическому развитию СССР, с движением «вправо». Де Голль был единственным европейским политическим лидером, который понял и признал этот подход. Советская схема не удалась; ни пряник Хрущёва, ни кнут Брежнева не достигли желаемого результата, в отличие от нового пряника Горбачёва и Ельцина, убедивших европейцев отказаться от своей собственной программы ослабления СССР и как можно больше поощрять его распад.

Советская поддержка народов и правительств стран третьего мира, естественно, была ограниченной. Я всегда сочувствовал этому, даже без теоретического обосно-

вания, например, «некапиталистический путь», который я критиковал как мешающий успеху прогрессивных сил третьего мира. Конечно же, меня серьезно ругали подхалимы из Московской академии, в том числе те, кто сейчас возглавляет когорту антикоммунистов, и безусловные сторонники СССР в Африке, на Ближнем Востоке, на Кубе и во Вьетнаме.

Я не считал советскую интервенцию агрессивным желанием экспортировать революцию и доминировать, это, скорее, оборонительная позиция, обусловленная относительной слабостью, несмотря на паритет в области ядерного сдерживания. Интервенция иногда воспринимается как демонстрация растущей силы. На мой взгляд, требуется проведение дискуссии на тему «социального империализма» – термин, изобретенный китайцами в 1963 г. Это план социального компромисса между советской буржуазией и народом – ревизионистский компромисс. Он похож на социал-демократический компромисс на Западе и допустил бы внешнюю экспансию, подобную колониальной экспансии, при поддержке империалистического консенсуса на Западе. В концепции не было ничего удивительного или невозможного. Реальная проблема состояла не в том, захочет или нет советская буржуазия ее применять, а в том, будет ли она способна на это. Думаю, что ответ на этот вопрос остается открытым. Были явные признаки того, что, по крайней мере, некоторые представители советской власти мечтали пойти по этому пути. В 1960-е гг. был инициирован план агрессии против Китая с явной целью расчленив его и разделить между СССР, Японией и западными державами, но несколько лет спустя Москва пошла на попятную.

Режим Брежнева со стороны продолжал выглядеть крепким – так говорилось в большинстве антисоциалистических анализов того времени. У меня были сомне-

ния относительно этой кажущейся силы, которые я озвучил, объяснив смену Брежневым агрессивного отношения к Китаю. Я выразил опасение, что режим может пасть (на это указывало бессмысленное вторжение в Афганистан) и все больше полагается на военную мощь, а не на демонстрацию миру своих социалистических убеждений. Он пошел на уступки, что говорило об экономических трудностях и относительно ограниченном успехе «правого» пути, который он выбрал для их преодоления.

Я указал на ограничения и риски различных анализов (1970–1990 гг.) возможных сценариев развития мировой системы. Такой анализ имеет свои достоинства, так как он требует объяснения того, что слишком часто остается необъясненным в анализах, не доведенных до логического завершения. Не буду перечислять дискуссии, в которых я участвовал; некоторые из них уже закончены. Сейчас нет смысла указывать на укрепление советского социал-империализма в мировом масштабе на фоне спада США и сопоставлять советский ревизионистский компромисс с деятельностью левых Европы. Это было не более чем шуткой. Но какое-то время я относился к этому серьезно. Это было ошибкой, я недооценил внутренние слабости советской системы и переоценил европейских левых.

Существуют споры о широкой реорганизации международных альянсов: ось Париж – Бонн – Москва и ось Токио – Вашингтон – Пекин. Перестройка может привести к усилению роли европейцев в Атлантике, более серьезному разрыву между Соединенными Штатами и Европой или европейскому сдвигу влево. Аргументы остаются в силе, хотя вероятность того или иного сценария может увеличиваться или уменьшаться. Я поднял четыре вопроса, которые даже после распада советской системы остаются главными.

Может ли интеграция Востока в мировую систему существенно повлиять на исход кризиса мирового капитализма теперь, когда «социализм» больше не существует? Вопрос, поставленный более чем пять лет назад, сегодня еще более актуален, хотя мой тогдашний ответ, кажется, был опровергнут событиями в краткосрочной перспективе. Я сказал, что буржуазный Советский Союз будет контролировать свою интеграцию в мировой капитализм.

Можно ли воссоздать интегрированный мировой рынок? Этот вопрос тоже был задан более пяти лет назад и тоже сохраняет свою актуальность. Независимо от того, какое место займет Советский Союз при интеграции в рынок – место нового капиталистического центра или новой промышленно развитой периферии, я придерживаюсь принципиальной позиции о том, что идея воссоздания интегрированного мирового рынка является утопией.

Являются ли государство и нация активными субъектами истории так же, как и класс? Этот вопрос возникает из-за ослабления серьезной социальной борьбы в современном мире, что выгодно государствам, участвующим в конфликте или противостоянии, или возникающим в результате распада многонациональных государств. Эта дискуссия началась в 1960-х гг. и основана на китайской теории трех миров: «государства стремятся к независимости, нации – к освобождению, а народы – к революции». Написанное мною в то время не было опровергнуто текущими событиями, даже наоборот. Мой тезис о хаосе возрождает эту дискуссию, перенося ее в условия нашего времени.

Ведут ли изменения к евразийскому блоку Европы и СССР, по выражению де Голля, или к плану «общего дома» Горбачёва? Был ли этот кошмар перспективой для Соединенных Штатов избежать Атлантического альянса в

силу политических колебаний и внутренних противоречий Европы и сблизить Москву и Вашингтон? Я считаю, что непосредственный результат дал второе дыхание гегемонии США.

Распад советской системы, который был предсказуемым, является важным событием нашего времени. Все сценарии будущего должны учитывать новые обстоятельства. Означает ли этот крах конец социализма и марксизма или, как любят говорить главные средства массовой информации, – «конец истории», триумф единодушного консенсуса, обеспечивающего вечную жизнь капиталистических идеалов? Я считаю, что это чушь, хотя эпоха, очевидно, завершена.

Эпоха Социализма-I началась в XIX в. и закончилась в 1914 г. с провалом социал-демократических партий Второго интернационала, которые стали откровенными пособниками своих национальных империализмов. Ленин был прав, объявив Социализм-I на тот момент мертвым. Его «преемник», Социализм-II Третьего интернационала и ленинизма, сегодня мертв после продолжительной болезни. С 1963 г. я писал, что наступление социализма требовало такого же радикального разрыва с советизмом, как разрыв, на который пошел Ленин в 1914 г. Показательно, что советская система, которая откровенно вербуетеся капитализмом, занимает в отношении стран третьего мира (в отношении трех четвертей человечества) ту же позицию, что преобладает в западной культуре.

Смерть ребенка не возвращает родителей к жизни. Внук должен продолжать дело предков. Да здравствует Социализм-III, который грядет. Видны ли уже контуры этого грядущего социализма? Я считаю, что да, и имею смелость обозначить три урока, которые получил за последние 30 лет моей критики советской системы и капиталистической глобализации:

1. Создание альтернативы должно предшествовать догоняющему развитию любой ценой.

2. Полярный мир означает, что ослабление зависимости является единственным выбором, даже если средства должны постоянно пересматриваться в свете ограничений общей эволюции.

3. Систематические действия должны предприниматься для восстановления многополярного мира, обеспечивая широкие возможности для автономного развития народов.

Эти три условия определяют возможное и необходимое возрождение интернационализма всех людей на Земле для борьбы с интернационализмом капитала. Они предлагают перспективу (хотя и отдаленную) социализма, который может быть только во всем мире и может справиться с проблемой глобализации. В противном случае он быстро придет в упадок и погибнет.

Десять лет назад я предложил открыть дискуссию о переходе за пределы капитализма. Я долго изучал историю, свободную от академических различий между реформой и революцией, и предположил, что возможны две формы такого перехода. Одну из них я описал как революционную, хотя и возможную через ряд последовательных реформ; при этом можно говорить об определенном идеологическом сознании, выражающем требования нового социального проекта. Таким был переход к капитализму. Другая форма перехода не подразумевает никакого идеологического сознания. Объективные ограничения определяют события. Это – декадентский переход, предполагающий анархический распад старой системы. Примером может служить переход к европейскому феодализму.

Централизация Римской империи, основанная на уплате дани, стала препятствовала развитию варварских

народов. Развитие потребовало «фрагментации» централизации, что произошло при феодализме. Новая централизация «излишков» была достигнута за счет капитализма. Таким же образом сегодняшняя централизация «излишков» капитализмом в мировом масштабе стала препятствием для развития трех четвертей человечества. Восстановление единой мировой системы, системы вне капиталистической поляризации, требует распада системы капиталистической централизации «излишков». Для этого необходимо разделение.

Сможет ли человечество в какой-то степени контролировать этот переход? Сможет, но только через возрождение серьезного всемирного движения Социализм-III. В случае альтернативного решения объективные ограничения приведут к длительному упадку общества, связанные с удвоенным насилием в процессе бессмысленных конфликтов или варварством. В такую эпоху, как наша, когда есть достаточно оружия, чтобы уничтожить всю Землю, когда СМИ могут укрощать толпы с пугающей эффективностью, когда краткосрочный эгоизм или антигуманный индивидуализм являются фундаментальной ценностью, угрожающей экологическому выживанию Земли, варварство может быть фатальным.

Сегодня более чем когда-либо мы сталкиваемся с выбором не между капитализмом или социализмом, а между социализмом или варварством.

4. Ленин и Сталин: встречая вызов века

Ленин, Бухарин, Сталин и Троцкий в России, а также Мао, Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин в Китае сформировали историю двух великих революций XX в. Проанализируем опыт России, Китая, а также других социалистических революций XX в. (в Северной Корее, Вьетнаме и на Кубе).

Лидеры революционных коммунистических партий, впоследствии ставшие главами государств, сталкивались с проблемами, с которыми сталкиваются победившие революции в странах периферийного капитализма, и были вынуждены пересмотреть (я намеренно использую этот термин, который многие считают кощунственным) тезисы, унаследованные от исторического марксизма Второго интернационала. Ленин и Бухарин в своих анализах монополистического капитализма и империализма пошли гораздо дальше, чем Гобсон и Гильфердинг, и пришли к важному политическому выводу: империалистическая война 1914–1918 гг. (они были одними из немногих, если не единственными, предвидевшими ее) сделала необходимой и возможной революцию во главе с пролетариатом. Бухарин написал в 1915 г. «Империализм и накопление капитала», а Ленин в 1916 г. – «Империализм как высшая стадия капитализма».

Пользуясь возможностью оценить прошлое, я хочу указать на ограниченность их анализов. Ленин и Бухарин считали империализм новым этапом («высшей стадией»), связанным с переходом к капитализму монополий. Я подвергаю этот тезис сомнению и утверждаю, что исторический капитализм всегда был империалистиче-

ским, он привел к поляризации между центрами и периферией с момента своего возникновения в XVI в., которая в течение последующего глобального развития только увеличилась. Домонополистическая система XIX в. была не менее империалистической, и Великобритания поддерживала свою гегемонию именно за счет колониального господства над Индией. Ленин и Бухарин считали, что революция, начавшись в России («слабое звено»), продолжится в центрах, в частности в Германии. Но они недооценили последствия империалистической поляризации, которые разрушили революционные перспективы в центрах.

Тем не менее, Ленин, и еще больше Бухарин, быстро выучили исторический урок. Революция, совершенная во имя социализма (и коммунизма), была на самом деле, в основном, крестьянской революцией. Что же делать? Как крестьянство может быть связано со строительством социализма? Делая уступки рынку и уважая «новоприобретенную» крестьянскую собственность, медленно продвигаться к социализму? Эта стратегия была реализована в процессе новой экономической политики (нэп).

Да, но Ленин, Бухарин и Сталин также понимали, что империалистические державы никогда не примут революцию и даже нэп. Советская Россия, хотя и была далека от построения социализма, но она могла освободиться от смиренной рубашки, которую империализм всегда использует на тех окраинах мировой системы, где он доминирует. В результате Советская Россия оказалась в изоляции. После «горячих» войн во время интервенции холодная война становилась постоянной – с 1920 по 1990 г. Империалистический Запад, как и нацисты, не мог терпеть самого существования Советского Союза. Со своей стороны, Ленин, а затем Сталин пытались всеми способами заставить понять, что они не собираются «экспор-

тировать» революцию; они стремились к мирному сосуществованию, используя все дипломатические средства. Между двумя войнами Сталин отчаянно искал союза с западными демократиями против нацизма, но западные державы не отвечали на его предложения. Напротив, они стремились подтолкнуть гитлеровскую Германию к войне с Советским Союзом. Об этом свидетельствуют печально известное соглашение в Мюнхене в 1937 г.¹ и последующий отказ от руки, протянутой им Сталиным в 1939 г. Сталин, к счастью, не позволил осуществиться стратегии «демократических» держав, заключив соглашение с Германией в последнюю минуту, после вторжения в Польшу. Позже, с вступлением в войну США, Сталин возобновил попытки основать после войны прочный союз с Вашингтоном и Лондоном и никогда от них не отказывался. Однако политика мирного сосуществования Советского Союза была провалена из-за одностороннего решения Вашингтона и Лондона разорвать военный союз, выступив с инициативой «холодной войны», в Потсдаме, когда Соединенные Штаты объявили монополию на ядерное оружие. США и подчиненные им союзники в НАТО продолжают политику «roll back» с 1946 по 1990 г. и далее. Блок НАТО, представленный наивным гражданам как оборонительный инструмент против агрессивных амбиций Москвы, показал свою истинную сущность в процессе присоединения стран Восточной Европы и проведения новых миссий на Ближнем Востоке, в Средиземноморье, на Кавказе, в Центральной Азии, а теперь и на Украине.

Так что же было делать советскому руководству? Пытаться настаивать на мирном сосуществовании, делая уступки, когда это необходимо, и воздерживаясь от слиш-

¹ Здесь у автора неточность: Мюнхенское соглашение было подписано 30 сентября 1938 г. (Редактор русского перевода).

ком активного вмешательства на международной арене? Но в то же время нужно было вооружаться, чтобы противостоять новым неизбежным атакам. К тому же предполагаемая быстрая индустриализация вступила в конфликт с интересами крестьянства. Это угрожало разрывом рабоче-крестьянского союза – основы революционного государства.

Начиная с 1947 г. империалистическая власть в лице господствующих США провозгласила раздел мира на две сферы: «свободный мир» и «коммунистический тоталитаризм». Реальность третьего мира была проигнорирована, поскольку считалось, что честь принадлежать к «свободному миру» дается «не коммунистам»; «свобода» рассматривалась как распространение капитала – без учета реалий колониального или полуколониального притеснения. На следующий год Жданов в своем знаменитом докладе (фактически докладе Сталина), который был в оригинале размещен Коминформом (слабая форма возрождения Третьего интернационала), также разделял мир на две сферы: социализма (СССР и Восточная Европа) и капитализма (остальной мир). В докладе игнорировались противоречия внутри капиталистической сферы, между империалистическими центрами и народами и нациями на окраинах, ведущими борьбу за свою свободу.

Главная цель доктрины Жданова – навязать мирное сосуществование и таким образом успокоить горячность агрессивных США и подчиненных им европейских и японских союзников. В обмен Советский Союз соглашался пойти на небольшие уступки и воздержаться от вмешательства в колониальные дела, которые империалистические державы рассматривали как свои внутренние дела. Освободительные движения, в том числе китайская революция, в то время не вызывали особого воодушевления и развивались самостоятельно. Но их победа (в частно-

сти, конечно, в Китае) изменила соотношение международных сил. Москва восприняла это лишь после Бандунгской конференции, что позволило Советскому Союзу путем поддержки стран, конфликтующих с империализмом, нарушить изоляцию и стать основным игроком в мировых делах. Не будет ошибкой сказать, что основные изменения в мировой системе были результатом первого пробуждения Юга. Не осознав этого, нельзя понять последующий подъем новых «развивающихся» держав.

Доклад Жданова был безоговорочно принят коммунистическими партиями Европы и стран Латинской Америки, но почти сразу же вызвал сопротивление в коммунистических партиях Азии и Ближнего Востока. Это связано с языком эпохи – партии Азии и Ближнего Востока продолжали утверждать о «единстве социалистического лагеря» во главе с СССР, но по мере развития борьбы за независимость (в частности, после победы революции в Китае в 1949 г.) сопротивление стало более открытым. Лишь немногие (если таковые вообще имеются) когда-либо писали историю разработки альтернативной теории, которая способствовала проявлению независимых инициатив стран Азии и Африки. В 1955 г. они были сформулированы в Бандунге, а затем в конституции Движения неприсоединения (которое с 1960 г. было определено как афро-азиатское плюс Куба). Подробности похоронены в архивах коммунистических партий (Китая, Индии, Индонезии, Египта, Ирака, Ирана и, возможно, некоторых других).

Я могу рассказать о том, что произошло, поскольку имел счастливую возможность участвовать в 1950 г. в одной из фокус-групп, которая собрала египетских, иракских, иранских и некоторых других коммунистов. Информация о китайской дискуссии, вдохновленной Чжоу Эньлаем, была доведена до нас значительно позже, в

1963 г. До нас дошли отголоски дискуссии в Индии и спровоцированного ею разрыва, что было позднее подтверждено Уставом Коммунистической партии Индии. Мы знали о дебатах в коммунистических партиях Индонезии и Филиппин, которые развивались по той же схеме.

Эта история помогает понять, что Бандунг не родился в головах лидеров националистов (Неру и Сукарно, еще меньше – Насера), как предполагается в сочинениях современников. Бандунг был результатом радикальной левой критики, проводимой в рамках коммунистических партий. Общий вывод для этих фокус-групп можно свести к одной фразе: борьба против империализма объединяет социальные и политические силы, победы которых являются решающими для открытия возможного в современном мире пути продвижения к социализму.

Этот вывод, однако, оставляет открытым главный вопрос: кто возглавит эти антиимпериалистические сражения? Будет ли это буржуазия (называемая национальной), которую коммунисты должны поддержать, или народные фронты, возглавляемые коммунистами, но не буржуазией (которая была действительно антинациональной)? Ответ на этот вопрос меняется, иногда кажется запутанным. В 1945 г. указанные коммунистические партии основывались на выводе, сформулированном Сталиным: буржуазия во всем мире (в Европе, поддерживаемой США, в колониальных и полуколониальных странах – говоря языком времени) «выбросила в мусорный бак национальные флаги» (по словам Сталина), и только коммунисты могут объединить силы, которые отказываются подчиняться американскому империалистическому/капиталистическому порядку. Данный вывод перекликается с выводом Мао, сделанным в 1942 г., но ставшим известным (нам) гораздо позже (в 1952 г.), когда «Новая Демократия» была переведена на западные языки. Этот тезис

утверждает, что для большинства народов планеты долгая дорога к социализму может быть открыта только в результате «национальной, народной, демократической, антифеодальной и антиимпериалистической революции под руководством коммунистов». Читайте между строк: другие социалистические движения не стоят на повестке дня где-либо еще, т. е. в центрах империализма. Такие революции не могут зародиться, прежде чем народы периферии нанесут серьезные поражения империализму.

Победа китайской революции подтвердила этот вывод. Коммунистические партии Юго-Восточной Азии, в частности в Таиланде, Малайзии и на Филиппинах, начали освободительную борьбу, вдохновленные вьетнамской моделью. Гораздо позже, в 1964 г., Че Гевара высказался в том же ключе: «...первый, второй, третий Вьетнам».

Передовые инициативы независимых антиимпериалистических стран Азии и Африки, сформулированные фокус-группами заинтересованных коммунистов, были точными. Их можно найти в программах Бандунга и Движения неприсоединения. Эти предложения были направлены на получение контроля над процессом накопления (независимое развитие, основанное на собственных ресурсах).

Некоторые из этих предложений были приняты между 1955 и 1960 гг. (хотя и в значительно смягченном виде) правящими классами отдельных стран как в Азии, так и в Африке. В это же время революционная борьба под руководством коммунистических партий Юго-Восточной Азии терпит поражения (кроме Вьетнама, конечно). Напрашивается вывод: «национальная буржуазия» еще не исчерпала возможности борьбы против империализма. Советский Союз также пришел к этому выводу, когда решил поддержать фронт неприсоединения, как только империалистическая триада объявила открытую войну.

Коммунисты соответствующих стран представляли две разные тенденции и сталкивались в болезненных, часто запутанных конфликтах. Одни считали, что надо поддерживать власти на местах в борьбе с империализмом, но эта поддержка должна оставаться критичной. Москва лила воду на их мельницу, придумав тезис о «некапиталистическом пути». Другие поддерживали основной тезис Мао, в соответствии с которым только народный фронт, независимый от буржуазии, может вести борьбу против империализма. Конфликт между коммунистическими партиями Китая и Советского Союза, ставший очевидным уже в 1957 г., но официально объявленный в 1960 г., подтвердил усиление второй тенденции у коммунистов Азии и Африки.

Через пятнадцать лет потенциал Бандунга иссяк, при этом подчеркивалась ограниченность антиимпериалистических программ «национальной буржуазии». Тогда были созданы условия для контрнаступления империализма, рекомпрадоризации экономик стран Юга, если не реколонизации (для самых уязвимых). Тем не менее, будто подчеркивая ложность представления о том, что отступление было навязано окончательной и абсолютной импотенцией национальной буржуазии (Бандунг с этой точки зрения был мимолетным эпизодом в «холодной войне»), некоторые страны Юга смогли в рамках новой глобализации с доминированием империализма утвердиться в качестве «развивающихся». Но «развивающихся» в каком смысле? Развивающиеся рынки, открытые для расширения капитала олигополий империалистической триады? Или способность развивающихся стран навязывать серьезный пересмотр условий глобализации, уменьшить власть олигополий и переориентировать накопление на свое национальное развитие? Вопрос социального содержания власти в развивающихся странах (и

в других странах периферии), перспективы, которые оно открывает или закрывает, снова стоит на повестке дня. Эта дискуссия неизбежна: каким будет – или может быть – мир «после кризиса»?

Будут ли результаты лучше сегодня, когда второе пробуждение Юга уже на горизонте? И, главное, получится ли на этот раз согласовать борьбу на Севере и на Юге? Крайне не хватает эпохи Бандунга. Народы империалистических центров бездумно равнялись на своих империалистических лидеров. Социал-демократический проект в то время было трудно представить без империалистической ренты, которую получают процветающие компании Севера. Бандунг и политика неприсоединения рассматривались просто как эпизод холодной войны, может быть, даже подготовленный в Москве. На Севере плохо понимали реальный масштаб этой первой волны эмансипации в странах Азии и Африки, которая, однако, смогла убедить Москву оказать поддержку.

Обсуждаемый период – это не «биполярный мир» холодной войны, а многополярный мир (Запад, Советский Восток, Китай и Юг), который вынудил империализм отступить.

Можно понять попытки Ленина, Бухарина и Сталина «усидеть на двух стульях» – они столкнулись с аграрной проблемой и агрессией западных держав. В теоретическом плане это были резкие повороты от одной крайности к другой. Иногда преобладало детерминистское отношение, вдохновленное поэтапным подходом, унаследованным от раннего марксизма (сначала буржуазно-демократическая революция, потом – социалистическая), иногда – волюнтаристский подход (проведение политической акции, позволяющей перепрыгнуть через этапы). Наконец, в 1930–1933 гг. Сталин выбрал быструю индустриализацию и вооружение (с учетом подъема фашизма этот выбор был

неслучайным). Ценой этого выбора была коллективизация. Здесь мы должны остерегаться слишком быстрых суждений: все социалисты того времени (и даже капиталисты) соглашались с анализом Каутского по этому вопросу и были убеждены, что будущее принадлежит крупному сельскому хозяйству. Идея о том, что обновленное семейное хозяйство эффективнее крупного фермерского, будет долго ждать своего признания. Агрономы, в частности французской школы, поняли раньше экономистов, что жесткое разделение работы в промышленной модели не подходит для сельского хозяйства. Фермер сталкивается с многочисленными вызовами, которые трудно предусмотреть.

Разлад в рабоче-крестьянском союзе, который подразумевался при выборе коллективизации, следует за отказом от революционной демократии и поворотом к авторитаризму.

Мог ли Троцкий найти лучший выход? На мой взгляд, точно нет. Его отношение к восстанию кронштадтских матросов и его более поздние попытки «усидеть на двух стульях» продемонстрировали, что он ничем не отличается от других большевистских лидеров в правительстве. Но после 1927 г., живя в изгнании и не неся ответственности за управление советским государством, он наслаждался, бесконечно повторяя священные принципы социализма. Он стал похож на многих академических марксистов, которые могут позволить себе роскошь заявлять о своей приверженности принципам, не будучи обеспокоенными эффективностью при преобразовании реальности. Среди марксистских интеллектуалов есть приятные исключения. Они не были руководителями революционных партий, тем более революционных государств, но при этом оставались внимательными к проблемам, с которыми сталкивались государственные «социализмы» (Барана, Суизи, Хобсбаума и другие).

Китайские коммунисты появились на революционной арене позже. Мао научился «сидеть на двух стульях». Китай столкнулся с теми же проблемами, что и Советская Россия: революция в отсталой стране, необходимость включения крестьянства в революционное преобразование и враждебность империалистических держав. Но Мао видел более ясно, чем Ленин, Бухарин и Сталин. Да, китайская революция была антиимпериалистической и крестьянской (антифеодальной). Но она была не буржуазно-демократической, а народно-демократической. Разница значительна: последний тип революции требует поддержки рабоче-крестьянского союза в течение длительного периода. Это позволило Китаю избежать роковой ошибки насильственной коллективизации – все сельскохозяйственные земли стали государственной собственностью, крестьянство получило равный доступ к использованию земли и обновило семейный уклад ведения сельского хозяйства. Так Мао, предложил новое решение аграрного вопроса на основе небольшой обновленной семейной фермы без сопутствующих малых объектов недвижимости. В результате сократилось миграционное давление на города, что позволило связать стратегическую цель продовольственной независимости с построением системы всеобъемлющей и современной национальной промышленности. Эта система является единственно возможным ответом на аграрный вопрос для всех современных стран Юга, даже если политические условия для ее реализации были созданы только в Китае и Вьетнаме.

Обе великие революции столкнулись с трудностями при достижении стабильности, поскольку были вынуждены сочетать поддержку социалистического мировоззрения с уступками капитализму. Какая из этих двух тенденций возобладает? Эти революции достигли стабиль-

ности только после своего «Термидора», по выражению Троцкого. Но когда был «Термидор» в России? Было ли это в 1930 г. (как сказал Троцкий)? Или это было в 1920-х гг., в период нэпа? Или это был застой брежневского периода? А в Китае Мао выбрал начало «Термидора» с 1950 г.? Или надо подождать до тех пор, пока Дэн Сяопин не объявит о «Термидоре» в 1980 г.?

Ссылка на уроки французской революции не случайна. Три великие революции современности (французская, русская и китайская) велики именно потому, что они смотрели вперед, за рамки текущих требований. С ростом влияния партии «Гора» (фр. «La Montagne») во главе с Робеспьером в Национальном собрании французская революция стала и народной, и буржуазной, сохранив перспективу пойти гораздо дальше, как русская и китайская революции, которые пытались пройти весь путь к коммунизму, даже если он не стоял на повестке дня в связи с необходимостью предотвращения поражения. Термидор – это не Реставрация. Последняя произошла во Франции уже после Наполеона, начиная с 1815 г. Тем не менее, следует помнить, что Реставрация не может покончить с гигантской социальной трансформацией, вызванной революцией. В России реставрация произошла еще позже – при Горбачеве и Ельцине. Отметим, что эта реставрация остается хрупкой, что видно из проблем, с которыми Путин сталкивается до сих пор. В Китае реставрации не было (или еще не было). Флоранс Готье и некоторые другие историки французской революции не приравнивают Термидор к реставрации, как предлагает троцкистское упрощение.

Литература

Робертс Дж. Войны Сталина: от мировой войны до холодной войны, 1939–1953 гг. Нью-Хейвен (New Haven), штат Коннектикут: Yale University Press, 2008.

Каутский К. Аграрный вопрос. Лондон: Pluto Press, 1988.

Амин С. Китай 2013. La Pensée, 2013.

Хобсбаум Э. Отголоски Марсельезы: взгляд на Французскую революцию два века спустя. Лондон: Verso Books, 1990.

5. Из туннеля?

Какими бы глубокими не были преобразования, которые произошли в России в течение последних 15 лет, они не являются «революционными» (или «контрреволюционными») – они являются результатом ускорения основных тенденций, существовавших в 1930-х гг. и с тех пор набравших силу.

Я не буду ограничиваться заявлением, что советское общество в момент распада СССР не являлось «социалистическим», как того хотели вдохновители революции 1917 г. Это был своеобразный тип капиталистического общества (я описал его как «капитализм без капиталистов»), который должен был стать «нормальным» капиталистическим обществом (т. е. капитализмом с капиталистами). В этом состоял план нового правящего класса (который возник из предыдущего), хотя в реальности эта система не достигнет запланированных целей.

Основные характеристики поздней советской системы

Советская система может быть определена пятью основными характеристиками: корпоративизм, авторитарная власть, социальная стабилизация, экономический разрыв с мировой капиталистической системой и интеграция в мировую капиталистическую систему в качестве сверхдержавы. Понятие «тоталитарный режим», популяризированное доминирующей идеологической дискуссией, является плоским и пустым, не способным учесть особенности советской действительности: принципы уп-

равления системой и противоречия, которые привели к эволюции и трансформации.

Корпоративизм

Советская система была корпоративистским режимом. Это подтверждается тем, что рабочий класс (предполагалось, что он станет «правлящим» классом) утратил объединяющее политическое сознание в силу тех политических целей, которые ставились властью имущими, а также объективных условий – быстрого роста его численности во время ускоренной индустриализации. Работники каждого предприятия или группы предприятий, образующих «комбинат», вместе с руководством и директорами представляли собой социальный/экономический блок и защищали свое место в системе. Эти блоки соперничали на всех уровнях: в ходе переговоров между министерствами и отделами Госплана, при ежедневном взаимодействии с предприятиями «чужого» комбината. Профсоюзы, роль которых сводилась к управлению трудом (мониторинг условий труда и занятости) и социальными благами работников, нашли свое естественное место в этой корпоративистской системе.

Рассматриваемый корпоративизм играет решающую роль в процессе воспроизводства и расширения системы в целом. Он замещает:

1) принцип «прибыльности», в соответствии с которым принимается решение об инвестировании при капитализме;

2) рынок, который при капитализме до сих пор обуславливает способ определения цен. Корпоративизм – это реальность, которую «планирование» скрывало, чтобы получить признание для так называемого научного обоснования макроэкономического управления производственной системой.

Корпоративизм выявил местнические тенденции в переговорах между конкурирующими блоками. Это местничество не было основано на принципе «национального» разнообразия (как в Федеративной Югославии времен Тито). Отношения между Россией (доминирующей как численно, так и исторически) и другими странами не были колониальными. Об этом говорит перераспределение инвестиций и социальных выгод в ущерб россиянам и в пользу периферийных регионов. В связи с этим приравнение СССР к империалистической системе, доминирующей над «внутренними колониями», несмотря на кажущееся доминирование русского народа (и даже некоторые высокомерные высказывания с его стороны) – это нонсенс. Возможно, прибалтийские государства поймут, что они променяли выгодное положение в составе СССР, из которого они извлекали пользу, на подчиненную позицию в Европейском союзе! А кавказцев и народы Центральной Азии будут рассматривать исключительно в качестве колоний Запада, они потеряют рыночные позиции, которые занимали в СССР.

Рассматриваемое местничество касалось небольших регионов (в пределах республик, к которым они принадлежали) с общими интересами, которые они отстаивали для обеспечения своей независимости в глобальной системе, которая всегда была более неравноправной, чем заявлял в своих рациональных рассуждениях Госплан.

Авторитарная власть

Этот термин выбран не для того, чтобы смягчить критику системы; «отсутствие демократии» – представительной (выборы проходят без сюрпризов) или с широким участием населения – легко заметить, как это представляли себе революционеры в 1917 г. Союзы и другие возможные формы общественных организаций были вынуж-

дены подчиняться контролю государства, запрещающему участие в процессе принятия решений на всех уровнях.

Но этот очевидный факт никак не объясняет псевдоконцепцию «тоталитаризма». Авторитарная власть оспаривалась правящим классом, представителями корпоративных блоков. Что касается внешней стороны, авторитарность маскировала реальность власти, опирающуюся на «мирное» разрешение корпоративистских конфликтов, в которых все покрывали друг друга.

Опять же, авторитарное управление рассматриваемыми конфликтами обязательно затрагивало региональные аспекты. Система представляет собой пирамиду полномочий – от управления (всегда авторитарного) местными интересами до интересов Союза и республик. Эти региональные аспекты, иногда (но не обязательно) – «этнические», способствовали распаду Союза и угрожают распаду республик (в первую очередь, России), что сегодня представляет опасность для центральной власти.

Социальная стабилизация

Крайнее насилие, сопровождавшее строительство советской системы, нельзя игнорировать. Акты насилия были разнообразными. Основной конфликт возник между защитниками социалистического плана в начале революции и «реалистами», которые не только на словах, но и на практике отдавали абсолютный приоритет «догоняющему развитию» за счет ускоренной индустриализации/модернизации. Этот конфликт был неизбежным результатом объективного противоречия, с которым столкнулась революция.

Надо было «догнать» (или, по крайней мере, сократить разрыв), получив в наследство от революции «отсталую» страну (выражение «периферийный капитализм» здесь предпочтительнее), и одновременно построить «что-

то другое» (социализм). Данное противоречие лежит в основе проблем, связанных с преодолением капитализма в мировом масштабе («длинный переход от капитализма к глобальному социализму»), но это мы здесь не обсуждаем. Это первая из основных причин, которые привели власть имущих к применению насилия, его жертвами были коммунисты-активисты.

Второй тип насилия сопровождал ускоренную индустриализацию. Некоторые аспекты этого вида насилия можно сравнить с насилием, имевшим место при строительстве капитализма на Западе: массовая миграция из сельской местности в города и роковые обстоятельства, связанные с пролетаризацией (переполненные жилые помещения и т. д.). Фактически СССР завершил это строительство в рекордно короткие сроки – всего за несколько десятилетий – по сравнению с целым веком, который оно заняло в основных капиталистических странах. Последние воспользовались своими преимуществами: доминирующими империалистическими позициями и возможностью позволить «излишкам» населения эмигрировать в Америку. В этом отношении насилие при первоначальном накоплении в СССР не более трагично, чем где-либо еще. При этом, без сомнения, благодаря ускоренной индустриализации в СССР дети из низших слоев смогли воспользоваться преимуществами массовой социальной мобильности, отсутствовавшей в странах центрального капитализма, где доминировала буржуазия. Несмотря на все остальное, именно эта «специфика», унаследованная от первоначальных социалистических намерений, привлекала большинство рабочих и даже «коллективизированное» крестьянство в существовавшей системе, даже если она была авторитарной. Кроме того, давайте не забывать о насилии, совершенном господствующей мировой капиталистической системой:

военное вмешательство, абсолютно дикая нацистская агрессия и экономические блокады.

Советская система, какой бы противоречивой она не была, построила общественный порядок, который фактически был стабильным в течение всего периода после Сталина. Ценой социального мира были умеренность в осуществлении власти (до сих пор авторитарной), улучшение материальных условий, а также толерантность относительно «незаконных» разногласий.

Экономический разрыв с мировой капиталистической системой

Советская система производства по большей части была фактически отделена от доминирующей мировой капиталистической системы. Обоснования, которыми власть руководствовалась при принятии экономических решений (инвестиции и ценообразование), не вытекают из требований к «открытой» интеграции в процесс глобализации. Именно благодаря этому разрыву система прогрессировала так быстро.

Однако эта система не была совершенно независимой от остального капиталистического мира (как ни одна другая система), и разрыв, как он определен здесь, не является синонимом авторитарности. При интеграции в мировую систему СССР занимал периферийное положение, главным образом, в качестве экспортера сырья.

Интеграция в качестве сверхдержавы

Благодаря скорее успеху, чем провалу строительства, СССР вышел на уровень военной сверхдержавы. Именно Советская армия победила нацистов, а затем в рекордно короткие сроки покончила с ядерной монополией Соединенных Штатов. Эти успехи лежат в основе политического положения СССР на послевоенной мировой арене.

Кроме того, советская власть извлекла выгоду из своей победы над нацизмом и из «социализма», благодаря которому это произошло, каковы бы ни были иллюзии относительно реальности этого «социализма» (это иногда описывалось как «реально существующий социализм»). СССР «умеренно» использовал его в этом смысле, вопреки утверждениям антисоветской пропаганды, и Советский Союз не собирался «экспортировать революцию» или «завоевывать» Западную Европу (этот ложный мотив был использован Вашингтоном и европейской буржуазией для легитимизации НАТО). СССР, однако, использовал свою политическую (и военную) мощь, чтобы заставить господствующий империализм отступить от третьего мира, открывая возможность автономии для господствующих классов (и народов) Азии и Африки, которую они потеряли с распадом СССР.

Не случайно гегемонистский военный натиск Соединенных Штатов, развивавшийся с применением насилия, мы наблюдали начиная с 1990 г. В 1945–1990 гг. советское присутствие обеспечивало многополярную организацию мира.

Новые формы капитализма в России

Я применяю эти термины в названии заголовка данного раздела намеренно, чтобы избежать термина «неолиберализм». Это выражение, которое я использую, как и все остальные, потому что оно навязано господствующим дискурсом, фактически исключает серьезный разговор, поскольку оно касается только сомнительной идеологической риторики.

Неолиберализм (более широко – либерализм) будет поставлен под сомнение как на Западе, так и на Востоке,

когда его провал будет признан. На самом деле, «либерализм» является «реально существующим капитализмом» настолько же, насколько «социалистическая» дискуссия является «реально существующим социализмом». Это идеологический инструмент, предназначенный для того, чтобы исключить анализ истинных вопросов. «Либерализм» обещает все сразу: эффективность (без определения условий), демократию, мир и даже социальную справедливость. В то же время проводимая во имя либерализма политика приводит почти к обратному: застою (а в некоторых случаях даже упадок), ослабление демократии (или даже укрепление автократии), постоянная война и рост неравенства. Тем не менее, это не так важно, и нас просят подождать.

Распад советской системы, усиленный популизмом третьего мира и подрывом обязательств социал-демократов на Западе, позволил так называемой либеральной идеологии одержать победу и заручиться широкой поддержкой как в России, так и в других странах. Между прочим, поскольку Германия и Япония «проиграли войну, но завоевали мир», Россия будет, благодаря либерализму, проводить ускоренную и, наконец-то, эффективную модернизацию в условиях демократии. Мы забываем (или делаем вид, что забываем) что цель Вашингтона – не допустить возрождения сильной России (больше, чем сильного Китая), даже если она будет капиталистической, и уничтожить ее.

Привели ли 15 лет «реформ» к созданию российской капиталистической системы, способной стабилизировать страну и поставить ее на путь, обещанный либералами? Реальность заставляет нас ответить – «нет»: СССР распался, а Россия живет под угрозой распада, и ни один из институтов (ни частные предприятия, ни государство) не способен осуществить необходимые инвестиции в по-

вышение эффективности производственной системы (наоборот, сокращение капиталовложений является массовым). Систематическое разрушение достижений советской системы (в частности, в области образования) не дает надежды на светлое будущее. Трудно понять, как система с такими характеристиками может стабилизироваться без понимания сути стабилизации, при таком уровне нищеты и бессилия.

Так что, на самом деле, эти новые формы капитализма в России усугубили, а не ослабили качества советской системы, которая достигла крайней стадии упадка.

1. Интеграция новой России как малой периферии современной империалистической капиталистической системы

«Открытая» Россия не только является экспортером сырья (в первую очередь нефти); она не должна стать чем-то большим. Промышленные и сельскохозяйственные производства России не избалованы вниманием властей и не представляют интереса для национального частного сектора или иностранного капитала.

Не было достаточных инвестиций, чтобы обеспечить развитие промышленного и сельскохозяйственного секторов, эти системы выживают только за счет продолжающегося ухудшения инфраструктуры России. Способность к технологическому обновлению и высокое качество образования, на которое оно опиралось в советской системе, систематически уничтожаются.

Кто несет ответственность за этот всеобъемлющий упадок?

Во-первых, конечно, новый правящий класс, который вышел по большей части из бывшего советского правящего класса и стал сказочно богатым, несомненно, в результате приватизации/грабежа. Концентрация этого ново-

го класса достигла таких масштабов, что термин «олигархия» подходит здесь лучше всего. Поражает сходство с олигархиями Латинской Америки. Этот класс обязан ростом своего богатства трем источникам: 1 – доходы от нефти (которые зависят от мировых цен на сырье); 2 – «раскулачивание» отраслей промышленности (приватизированным промышленным предприятиям не суждено стать основой расширенного и эффективного производства, они только позволяют олигархии пережить упадок); 3 – комиссионные от открытия рынков страны для импорта. Рентный доход и комиссионные свидетельствуют о компрадорской, а не «национальной» буржуазии.

Империализму выгодно падение страны до уровня малой периферии. По существу, Соединенные Штаты планируют опустить Россию и другие бывшие республики СССР на уровень второстепенных деиндустриализированных и бессильных периферий. Другими словами, цель США – превратить бывший Советский Восток (бывший СССР и Восточную Европу) в своего рода Латинскую Америку. Для этого разработаны различные варианты (в зависимости от ситуации): от полного уничтожения для стран с революционным прошлым (Россия и Югославия) до более мягкой формы подчинения «консервативной» Восточной Европы (Польша, Венгрия).

В контексте этого общего видения, которое разделяют власти предрержащие в Соединенных Штатах и Европе, может иметь место конкуренция между сподвижниками империалистической триады. Кто получит наибольшую выгоду от «латиноамериканизации», Соединенные Штаты или Западная Европа?

Нынешний компромисс оставляет Восточную Европу, главным образом, Германии, а Россию – Соединенным Штатам. На НАТО (преимущественно под влиянием Соединенных Штатов), ВТО и Брюссель (чьи либеральные

возможности служат лишь для укрепления ВТО) возложена задача «управления» этой, в сущности, асимметричной системой. На самом деле руководство политическими обязанностями коллективного империализма изобилует противоречиями, которые выходят за рамки данной главы. Европейская/американская конкурентоспособность «работает» в контексте этого руководства, и в этом плане у Вашингтона есть несколько карт, которые нельзя игнорировать. К ним относятся, очевидно, непоколебимый атлантистский вариант Лондона, а также рабские политические классы Восточной Европы. Европа упустила возможность построить сближение с Россией, что наверняка усилило бы ее независимость от гегемонистской позиции США.

Взрывной рост богатства олигархии привел к формированию нового среднего класса, известного как новые русские. Деятельность этих людей, совершенно непродуктивна и производна от расходов олигархов. В то же время представители бывшего среднего класса, состоящего из профессионалов и инженеров, которые были, в целом, гораздо более квалифицированными и, безусловно, более продуктивными, оказались в низших классах и среди жертв этого компрадорского капиталистического развития. Кроме того, монополистические олигархии – единственные выгодоприобретатели государственной щедрости – делают невозможным формирование класса подлинных и изобретательных предпринимателей. Их преследует мафия и само государство, делая появление капитализма «снизу» невозможным.

Либеральная дискуссия, согласно которой победители в системе являются наиболее высококвалифицированными и изобретательными лицами, в то время как проигравшие – это «наименее продуктивные» работники, не выдерживает никакой критики. На самом деле,

«проигравшие» – это все те, кто работает на производстве в новой России.

*2. Безответственность авторитарной власти:
капиталистические формы новой России
полностью исключают демократический
прогресс*

Авторитарность больше не «пережиток прошлого», а необходимая форма власти компрадорской олигархии. Новая конституция 1993 г. служит этой власти, ее принятие установило президентский режим, который свел к нулю полномочия Думы (избираемого парламента). Как известно, западные правительства стараются не замечать конституцию 1993 г., все их упреки в дефиците демократии относятся только к режимам, которые сопротивляются либерализму, в то же время они утверждают диктатуру тех режимов, которые ему служат.

Отличие нового авторитаризма от прежнего заметно во всем: разница заключается в абсолютно безответственном характере власти. Авторитаризм служит олигархии и принимает участие в столкновениях заинтересованных кланов, он знает, как разрешить споры, ему оплачивают оказанные услуги. Авторитаризм поставил себя на службу глобализированному олигопольному иностранному капиталу, интересы которого он реализует без малейшего сопротивления со стороны диктата ВТО, МВФ и даже НАТО.

Происходящие в последнее время конфликты Путина с некоторыми олигархами не привели к значительным изменениям в организации системы. Цели Путина остаются ограниченными: он стремится прежде всего укрепить позиции клана олигархов Санкт-Петербурга (клиентская база нового президента) в ущерб другим; потом, возможно, «рационализировать» систему путем более

четкого отделения авторитарной президентской государственной бюрократии от класса, служить которому он никогда не отказывался. Каждый из них имеет свою роль, но все они являются участниками одной игры.

Несут ли русские люди ответственность за этот упадок? В какой-то степени – да, хотя можно понять тех, кто находился в полной растерянности после жесткого краха советских институтов (иногда уничтоженных огнем орудий, как это было с первым избранным парламентом). Новые политические партии не имели никакой социальной или идеологической основы, позволяющей им выйти из небытия. Новые «правые» – это, по сути, отдельные безответственные группы, вышедшие из прежней системы, успешно обработанные демагогической риторикой, которым служат продажные СМИ. Их истории заканчиваются, как только они сталкиваются с разумным в целом общественным мнением, что свидетельствует о сильной политизации русского народа. Из-за этого новые правые быстро оказались заложниками поддержки бюрократической власти нового авторитаризма. Факт остается фактом, Коммунистическая партия, несмотря на надежды избирателей (около 50 %), не смогла возродиться (и отойти от наследия авторитарного управления) или даже противостоять давлению новой диктатуры. Напротив, Коммунистическая партия содействовала ее созданию, подписавшись на новой конституции. Затем партия пыталась заставить людей забыть свою глупую трусость и основные ошибки, которые она сделала, инициировав неоднозначную «националистическую» дискуссию. Но эмбриональные политические партии альтернативных левых не смогли доказать свою способность подорвать планы новой олигархии и быстро вернулись в интеллектуальные храмы, изолированные от народных масс.

3. Выродившийся и ослабленный корпоративизм

Столкнувшись с тупой и деградирующей Коммунистической партией, профсоюзы могли бы обеспечить эффективное сопротивление, поскольку они сохранили уважение и поддержку своих членов, число которых измерялось миллионами, по крайней мере, в течение двенадцати лет.

Основной ошибкой профсоюзных лидеров стала уверенность в том, что бывший корпоративизм может гарантировать их выживание. В подавляющем большинстве случаев директора и люди, занимающие на предприятиях руководящие должности, исключенные из новой системы олигархических полномочий, встали на сторону своих работников в борьбе за сохранение производства. Со своей стороны, некоторые социал-демократические идеологи лелеяли надежду на то, что создание трехсторонней коалиции (работодатель, союз, государство) будет способствовать позитивному «историческому компромиссу». Эти идеологи слишком поздно начали войну (социал-демократия на Западе уже объявила о своем повороте к либерализму) и не были осведомлены о том, что модель периферийного капитализма, строящаяся в России, исключала все «социальные» формы управления ею.

Несмотря на трусость руководства профсоюзов и иллюзии, в плену которых они находились, социальная борьба вспыхивала то здесь, то там, однако власть отбрасывала их назад, как это было с сопротивлением железнодорожников, которое угрожало привести страну к остановке. Борьба не увенчалась успехом, и попытки нескольких групп из новых левых восстановить жизнь рабочего класса на базе независимых и новых профсоюзов пока не привели к каким-либо успехам.

Такое сочетание неблагоприятных факторов привело к упадку организации профсоюзов, который наблюдался

в последние годы. Распад системы социальных услуг, которой управляли профсоюзы при советской власти, внес свой вклад в недовольство населения.

4. Неконтролируемое местничество

Сильно выраженное местничество стареющего советизма вступило в фазу деструктивного упадка. Раньше местничество контролировалось (и не обязательно с помощью государственного насилия), и ответственный советский авторитаризм был готов предложить необходимые компромиссы. Клань нового безответственного авторитаризма, наоборот, считают полезным использование местничества в своих краткосрочных целях. В некоторых случаях эта неблагоприятная тенденция зашла очень далеко, что подтверждает ситуация в Чечне.

Эти серьезные проблемы, ожидающие решения в некоторых регионах, особенно в «нерусских» областях Российской Федерации, нельзя игнорировать. Никто не может сомневаться в том, что внешние силы (в том числе Соединенные Штаты и их мусульманские союзники) пытались использовать эти трудности в случае Чечни. Тем не менее, Москва несет ответственность за ухудшение ситуации. Подавляющее большинство чеченского народа отвергло призывы «исламистов» к отделению от России. Руководство России отказалось от поддержки этого большинства и намеренно пошло на военное вмешательство. Очевидно, что это было результатом посредственных расчетов олигархических кланов (заинтересованных, например, в строительстве нефтепровода от Каспийского моря) и государственной бюрократии (которая хотела восстановить «единство русского народа» и получить «безусловную» поддержку перед лицом «внешнего и террористического врага»). Известно, что теракты в Москве и других местах, участие чеченцев в которых не

было доказано, выполняли те же задачи, что и события 11 сентября, которые были использованы администрацией Буша.

В этом отношении администрация Путина, похоже, не выучилась на ошибках, допущенных при Ельцине. Вторая чеченская кампания, предпринятая Путиным, была также неудачной. Заслугой Путина является реформа территориальной организации полномочий (власти), призванная положить конец местническим конфликтам. По факту эта реформа по-прежнему проводится по авторитарному принципу (дублирование полномочий избранного губернатора назначаемым префектом) и опирается полагаться на заинтересованное население (что может усилить их сопротивление давлению олигархов). Поэтому проводимая реформа вряд ли будет способствовать правильному решению открытых или скрытых конфликтов.

Россия уходит с международной арены

Когда Путин пришел к власти, Россия занимала незначительную позицию в Большой семерке (G7), сейчас Большая восьмерка – G8 (G7 ½). Несмотря на это, она не является активным игроком в обеспечении мирового баланса. По всем признакам, Россия сохраняет значительную военную мощь: она занимает второе место в мире по ядерному потенциалу и баллистическим ракетам, хотя ухудшение ее военной организации дает основания опасаться, что она не сможет эффективно использовать этот арсенал при агрессии Соединенных Штатов.

Само собой разумеется, что уход России создает проблему для будущего мировой системы. К какому лагерю присоединится Россия, если политические разногласия между европейскими странами (Францией и Германией) и Соединенными Штатами приведут к расколу атлантизма, который до сих пор подчиняется коллектив-

ному империализму триады, или, если начнется конфликт с некоторыми странами Юга (Китаем или Индией, Ираном или Северной Кореей)? Конечно, в краткосрочной перспективе такой вопрос не возникает: Европа остается атлантистской, несмотря на скрежет зубов определенного меньшинства. Даже если бы Россия, как и Китай, присоединилась к Франции и Германии, чтобы не дать Вашингтону карт-бланш в Ираке, это не привело бы к заключению союзов. Москва до сих пор тянется к американской кормушке, несмотря на некоторое неповиновение. Вашингтон в этом плане не совершил ни одной ошибки и оставил возможность резкого осуждения только для французов. Оказывая давление своим военным присутствием в Центральной Азии и на Кавказе, используя свое недавнее закрепление в Грузии и манипулируя исламскими угрозами, Соединенные Штаты держат Россию вне большой международной игры. Россия может сорвать план США, направленный на сведение ее экономики до уровня экономики незначительной подчиненной периферии, только играя активную роль в возрождении «южного фронта», включая Китай. Но Россия выбрала другой путь, ее расчеты основаны на иллюзии, что только союз с Соединенными Штатами может защитить ее от возможных экспансионистских амбиций Китая в Сибири и Центральной Азии. Действуя в соответствии с этими расчетами, Россия фактически поддерживает план США изолировать своего основного потенциального конкурента – Китай. И оказанная «услуга» только ускорит упадок России.

Тем не менее, все эти балансы (или дисбалансы), из которых извлекают выгоду Соединенные Штаты, остаются хрупкими, и очевидный провал интервенции США в Ираке рано или поздно приведет к тому, что ее признают сомнительной.

Сможет ли русская дипломатия найти свое место при новом раскладе карт? Я вернусь к этому вопросу, который является одним из основных при построении альтернативы либеральной американской глобализации.

Идеологический упадок

Советская идеология продолжала использовать «социалистическую» риторику. Даже сильно ослабленная Советская власть знала, что ее легитимность основана на революции 1917 г. Это раздражает и даже смехотворно. Тем не менее, расстояние, отделявшее эту риторику от советской действительности, было не больше того, которое отделяло либеральные рассуждения от реально существующего капитализма. Однако большое количество нормальных людей поддерживает либеральную идею, несмотря на социальную катастрофу, сопровождавшую ее реализацию, поэтому не удивительно, что социалистическая точка зрения до самого конца имела своих сторонников.

Новому олигархическому авторитаризму необходима была идея, противоположная советской, но было не ясно, чем ее заменить. Рассказы об экономической эффективности и демократии не вызывают доверия в России, даже если они «работают» в Восточной Европе. «Патриотическая» линия, которая является последней надеждой власти, в конце концов, припрет ее к стенке. Обсуждаемая риторика служит для отвлечения от реальных проблем (социальное неравенство, отказ от завоеваний 1917 г., неэффективность нового экономического управления, утрата роли страны на мировой арене) под видом «объединения страны вокруг ее лидеров» (подразумевается, что лидеры России противостоят господствующему глобализированному капиталу).

Отметим, что позиция этой компрадорской буржуазии сильно напоминает поведение других правящих клас-

сов с тем же типом развития в Азии и Африке. Все компрадорские классы, правящие современными перифериями, пытаются создать себе патриотический имидж, хотя именно они несут ответственность за упадок, от которого страдают их народы, и на самом деле только способствуют доминированию международного капитала.

Патриотизм, безусловно, необходим в России (сегодня больше чем когда-либо), и он сталкивается с вызовами американской либеральной глобализации. Важно, что русский патриотизм понимается как позитивный элемент при строительстве самоподдерживающегося развития и остается открытым для всех рабочих, не становится дтмагогической и лживой риторикой, как позиция новой российской власти.

Правда в том, что новая российская власть со своей идеологической позицией не имеет реального влияния на народ. Доказательством является ситуация на выборах, которые открыто фальсифицируются в крупных масштабах. Другими словами, мы имеем дело с властью, лишённой легитимности и доверия, или, возможно, этот новый русский капитализм не способен найти центр притяжения, с помощью которого мог бы укрепить свою власть.

Несостоятельность оппозиции обнаруживается в ее идеологической позиции. Лидеры Коммунистической партии сплотились вокруг «патриотической» позиции власти, едва ли вкладывая в нее более точное содержание. Скорее, как в мусульманских странах, которые, когда им угрожает политический исламизм, стараются превзойти своих противников в выбранной ими области, чтобы лишить их притягательности. Другие ссылаются на евразийство, т. е. на национализм, который является одновременно антиамериканским и антиевропейским и настаивает на сближении с Азией (Китай, Индия и Иран).

Это сближение, несомненно, необходимо для формирования альтернативной глобализации. Тем не менее, нет никакой нужды в сомнительной параидеологической легитимности, лишь отдаляющей поддержку модернистского универсализма, даже если он имеет «западное» происхождение и до сих пор деформируется реальностью империалистической системы, в которой Запад является центром.

Без сомнения, серьезные альтернативные мнения, возникшие в ходе критики советизма левыми, которые стремятся к социалистической реконструкции, найдут в России благоприятную почву. Тем не менее, приходится констатировать, что до сих пор эти взгляды не вышли за пределы левых интеллектуальных кругов и не имеют влияния на людей.

Есть ли стоящая альтернатива для России сегодня?

Картина России, изображенная выше, приводит к пессимистичным мыслям относительно будущего страны. На самом деле, провал нового российского капитализма и его неспособность обеспечить условия для стабилизации должны быть поводом для оптимизма. Иногда в Москве говорят, что Россия, как и накануне 1917 г., почти созрела для новой революции или радикальной трансформации, способной исправить направление эволюции. При каких местных и глобальных перспективах это может произойти? При каких условиях?

Альтернатива текущей системе должна строиться на простых, ясных и понятных принципах. Внутренне (на национальном уровне) эта альтернатива будет основываться: 1 – на смешанной экономике, что, с одной стороны,

дает государству средства для ориентирования общего развития; с другой – предлагает частной собственности и рынку достаточную маржу прибыли, чтобы поощрить возможные инициативы; 2 – институционализации коллективных переговоров работника/предприятия/государства; 3 – развитии представительной демократии путем поощрения инициатив демократии с широким участием населения. В глобальном масштабе это будет включать: 1 – организацию переговоров по формам экономического управления (торговля, потоки капитала, технологические трансферы, денежно-кредитное управление) на основе признания различия интересов и неравенства партнеров; 2 – признание суверенитета народа, подкрепленное поддержкой прогресса демократизации, что является основой многополярного политического мира. Реализация всех этих принципов позволит начать первую стадию на пути к «длительному переходу к мировому социализму».

Конечно, это самые общие принципы, которые действительны для всех (Китай или Россия, Германия или Конго) и обретают смысл, только когда применяются с учетом многообразия объективных ситуаций.

Для России это означает следующее: 1 – ренационализация крупных предприятий, особенно в нефтяной и энергетической отраслях (их экспроприация у олигархов); 2 – принятие новых форм совместного управления (с участием рабочих и руководителей) промышленными и коммерческими предприятиями, будут ли они формально публичными (государственными, муниципальными, рабочих коллективов) или частными учреждениями; 3 – восстановление и укрепление государственных социальных услуг, образования (уровень которого был высоким в СССР), а также научно-технических исследований; 4 – отмена конституции 1993 г. и разработка подлинно демократической конституции представительным собранием; 5 –

поддержка форм народного участия в представительной демократии; 6 – инициирование длительных переговоров между республиками бывшего СССР для строительства экономического и политического регионального пространства, основанного на принципах уважения автономии партнеров и взаимозависимости в общих интересах; 7 – воссоздание российской военной мощи (до тех пор, пока не произойдет всеобщее разоружение, когда Соединенные Штаты будут к нему готовы); 8 – разработка согласованных коммерческих, технологических и финансовых механизмов для начала строительства «большой Европы» от Атлантики до Тихого океана; 9 – развитие внешней политики, активной и независимой (в частности, от политики Соединенных Штатов), направленной на укрепление институтов, отвечающих за строительство многополярного мира.

С точки зрения рассмотренной здесь альтернативной глобализации место и роли национальных партнеров должны в силу обстоятельств оставаться специфичными и отличаться друг от друга. Россия должна занять место как крупный производитель/экспортер сырья (нефти и других полезных ископаемых) и как обновленная промышленная держава (не обязательно подвергаясь рискам, которые предполагает поиск «конкуренции» на так называемом открытом мировом рынке). Китай, для сравнения, является новой промышленной державой и при производстве будет руководствоваться прежде всего расширением внутреннего рынка и лишь вторично – экспорта (в противоположность принципу, который намерена навязать ВТО). Китаю и другим странам Азии и Африки это позволит решить аграрную проблему на основе признания права на доступ к земле всех крестьян. Россия также должна решить аграрную проблему (как и Восточная Европа), что невозможно путем развития капитализма,

как это было в развитых центрах мировой системы. А поскольку местные условия отличаются от характеристик стран «третьего мира» (Азия, Африка и Латинская Америка), проблема требует соответствующих решений.

Правительство Евгения Примакова хорошо и основательно подготовилось и приступило к осуществлению программы восстановления (по описанной здесь схеме) с достаточной решимостью и в то же время осторожностью, как следует из первых принятых мер (что легко понять). Горбачёв, возможно, хотел бы, но не знал – как, а Примаков предвидел строительство «левоцентристской» экономической и политической системы. Но Примаков стал жертвой неспособности Коммунистической партии (в то время еще мощной) понять и поддержать эту инициативу, а также жертвой международной враждебности, в основном Соединенных Штатов, но, к сожалению, и Европы, которая не отказалась от намерения «латиноамериканизации» бывшего СССР (а также Восточной Европы в процессе ее интеграции в ЕС).

В этой борьбе ответственность людей всегда и везде первична. Усиление социальной борьбы и демократических требований, отказ от иллюзий и начало воссоздания новых, открытых левых сил (способных убедить рабочий класс, что Коммунистическая партия и профсоюзы видят в них «сторонников», необходимых для обслуживания их краткосрочных политических расчетов) являются положительными признаками возможного российского восстановления.

Ответственность Европы не меньше, чем сейчас. Она могла бы повернуться к России и отказаться от постоянного партнерства в коллективном империализме триады, которая заставляет ее быть частью гегемонистских планов Соединенных Штатов. Для этого она должна была выбраться из «зыбучих песков», в которых увязла.

Возможно, теперь Путин понял, что цель Соединенных Штатов и их европейских союзников – уничтожить Россию, а не помочь ей в своем обновлении. Но система, на которой базируется его правительство, не позволяет ему эффективно противостоять разрушительным атакам империалистической триады. Для этого ему придется отказаться от поддержки олигархии, которая эксплуатирует и угнетает русский народ. В противном случае стратегия атлантических держав будет развиваться без эффективного сопротивления.

Примеры Грузии и Украины проясняют ситуацию. Обеспечивая поддержку местной авторитарной власти, которая считалась дружественной, Москва сделала героев из людей, которые были иностранными агентами!

В течение 30 лет Соединенные Штаты и Европа с выгодой для себя эксплуатировали презрение, с которым правительства стран бывшего соцлагеря относились к демократии (и неплохо устроились!). Валенса, друг Вашингтона и Папы Римского, притворялся лидером движения «Обновление рабочего класса» (так преподносилась «Солидарность»), в то время как его реальным проектом было уничтожение потенциала рабочего класса, позволяющего противостоять атакам капитализма. (Когда «Солидарность» пришла к власти, он не передал заводы рабочим, а закрыл их или отдал иностранному капиталу!). Демократическими чаяниями народов легко манипулировали, вводя их в заблуждение, поскольку большинство левых в Европе являются соучастниками господствующего империализма. Следовательно, левые не помогают переформатированию постсоветских левых, а только способствуют путанице.

Геополитические формы возможных союзов между Соединенными Штатами, Европой и Россией будут сильно влиять на характер будущей глобализации. Две из воз-

можных форм – это закрепление «русско-американского союза», основанного на выборе России оставаться крупным экспортером нефти и никем более, или специфическое российско-европейское партнерство. «Общая война с терроризмом» началась 11 сентября 2001 г. с укрепления давнего союза, по крайней мере, так выглядит со стороны.

Факты убедительно показывают, что это совершенно асимметричное партнерство является не более чем реализацией плана Вашингтона по уничтожению России. Это партнерство не заботится о снабжении России средствами для модернизации производства, оно тесно связано с интересами российской олигархии и ее задачей по превращению России исключительно в поставщика сырья. Кроме того, это партнерство способствует проникновению Соединенных Штатов на Кавказ и в Центральную Азию, откуда вытесняется Москва. Такого рода союз не может быть элементом создания альтернативной глобализации.

Совершенно иное российско-европейское партнерство могло быть создано, если бы оно не ограничивалось содействием экспорту российской нефти в Европу, а включало активную поддержку Европой модернизации всей российской производственной системы. Европа могла бы взять на себя инициативу в 1990 г. и предложить сотрудничество, способное укрепить автономию двух партнеров по отношению к Соединенным Штатам. Европа не сделала этого, не рискуя идти против Вашингтона. Так был открыт путь для наступления США на Москву. Российская нефть предназначена в первую очередь для удовлетворения американских потребностей и продается в долларах. Партнерство, позволяющее продавать ее прежде всего в Европу (и в евро), значительно снизило бы европейскую зависимость от поставщиков, которые в ос-

новном контролируются Вашингтоном (как на Ближнем Востоке, так и в Каспийском море или в Гвинейском заливе). Европа приняла весьма неравное распределение добычи из бывшего советского мира: Соединенные Штаты получили Россию и Центральную Азию, а европейцы – Польшу и страны Балтии.

Если предположить, что Европа поддерживает свою атлантистскую ориентацию (что кажется наиболее вероятным), Россия может разыграть другую карту. Сближение крупных евразийских держав (России, Китая, Индии), которое затрагивает остальную часть Старого Света (арабский мир и Африку), не только необходимо и возможно, но и положит конец проекту Вашингтона распространить доктрину Монро на весь мир. Евразийский вариант Путина, кажется, является частью этого проекта, для реализации которого потребуются терпение и прежде всего – решимость. Шансы на успех этого проекта возрастут, если в России усилится оппозиция к власти олигархии.

6. Украинский кризис и возвращение фашизма в современном капитализме

Не так давно империалистические державы триады (США, Европа, Япония) находились в постоянном конфликте, но сегодня они работают вместе в форме коллективного империализма (Амин, 2013). Они относятся к остальному миру как к полю для расширения своего контроля, в частности, над доступом к природным ресурсам и даже над их исключительным использованием, если это необходимо. Разрыв с мировой системой или малейшее желание получить некоторую автономию в системе является их проклятием. Для борьбы с этими чаяниями народов, наций и государств периферии хороши все средства – от военной агрессии до использования услуг фашистских движений. Следовательно, Советский Союз был врагом, которого надо победить. Холодная война против советской власти в период между 1920 и 1990 гг. и попытки использовать амбиции нацистской Германии против «иудео-большевизма» являются ключевыми элементами этих усилий. Новая Россия, несмотря на свой капиталистический выбор, остается потенциальным противником, поскольку она отказывается принимать статус колонизированной периферии, который хотят ей присвоить державы триады. В этом контексте возвращение вопроса о фашизме, эксплуатируемого коллективным империализмом триады, позволяет нам лучше понять, что стоит на кону в нынешнем украинском конфликте и в «евразийском» проекте.

Не случайно само название этого сотрудничества связывает возвращение фашизма на политическую сцену с кризисом современного капитализма. Фашизм не является синонимом авторитарного полицейского режима, отвергающего «непонятки» парламентской избирательной демократии. Фашизм – это частный политический ответ на вызовы, с которыми руководство капиталистического общества может столкнуться при определенных обстоятельствах.

Единство и разнообразие фашизма

Политические движения, которые по праву можно назвать фашистскими, играли главную роль и осуществляли власть в ряде европейских стран, в частности, в течение 1930-х гг. и вплоть до 1945 г. К их числу относятся Италия Бенито Муссолини, Германия Адольфа Гитлера, Испания Франсиско Франко, Португалия Антониу ди Оливейра Салазара, Франция Филиппа Петена, Венгрия Миклоша Хорти, Румыния Йона Антонеску, Хорватия Анте Павелича. Среди обществ, ставших жертвами фашизма, есть и основные развитые капиталистические общества, и малые, подчиненные, капиталистические общества; некоторые из них появились в связи с победоносной войной, другие – вследствие поражения. Смешивать их не стоит. Разнообразие структур и стечение обстоятельств привели к различным последствиям для этих обществ.

Несмотря на свое разнообразие, все эти фашистские режимы имели две общие характеристики:

1. Они хотели управлять государством и обществом таким образом, чтобы не ставить под сомнение основополагающие принципы капитализма, особенно частную

капиталистическую собственность, включая частную собственность современного монополистического капитализма. Отсюда обращение к этим формам фашизма как конкретным способам управления капитализмом, а не политическим формам, которые бросают вызов легитимности капитализма, даже если капитализм (или plutократия) постоянно обличается в риторике фашистских выступлений. Ложь, которая скрывает истинную природу этих выступлений, проявляется при внимательном рассмотрении «альтернативы», предложенной различными формами фашизма: частная капиталистическая собственность. Правда в том, что фашистский выбор не является единственным ответом на вызовы, с которыми сталкивается политическое управление капиталистического общества. Лишь при определенном стечении обстоятельств, во время сильного и глубокого кризиса, кажется, что фашизм будет правильным (а иногда единственно возможным) выбором для господствующего капитала. Тогда анализ должен сосредоточиться на этих кризисах.

2. Выбор фашизма для управления капиталистическим обществом в условиях кризиса всегда основывается (даже по определению) на категорическом отказе от «демократии». Фашизм всегда заменяет общие принципы, на которых основаны теории и практика современных демократий (разнообразие мнений, обращение к избирательным процедурам для определения большинства, гарантия прав меньшинства и т. д.), противоположными ценностями – подчинением требованиям коллективной дисциплины и авторитета верховного лидера и его главных агентов. Такой разворот всегда сопровождается возвращением ретроспективных идей, которые способны обеспечить очевидную легитимность реализуемым процедурам подчинения. Провозглашение «необходимости» возвращения к прошлому (средневековому), установле-

ние государственной религии или какой-то предполагаемой характеристики «расы» или «нации» (этнической) составляют арсенал идеологических приемов, применяемых фашистскими державами.

Различные формы фашизма в современной европейской истории попадают в одну из следующих четырех категорий:

1. *Фашизм в основных «развитых» капиталистических державах, претендующих на роль гегемонов в мировой (или региональной) капиталистической системе.* Нацизм – это модель такого типа фашизма. Германия в 1870-х гг. стала ведущей промышленной державой и конкурентом господствующих держав эпохи (Великобритании и Франции), а также страны, которая стремилась стать гегемоном, – Соединенных Штатов. После поражения в 1918 г. Германии пришлось иметь дело с последствиями неосуществленных гегемонистских устремлений. Гитлер ясно сформулировал свой план по созданию во всей Европе (в том числе в России) и, возможно, за ее пределами, гегемонии господства Германии, т. е. капитализма монополий, которые поддержали подъем нацизма. Он был готов пойти на компромисс со своими основными противниками: Европа и Россия будут отданы ему, Китай – Японии, остальная часть Азии и Африки – Великобритании, Северная и Южная Америки – Соединенным Штатам. Он ошибался, считая такой компромисс возможным: Великобритания и Соединенные Штаты не приняли его, в то время как Япония его поддержала.

Японский фашизм принадлежит к этой же категории. С 1895 г. капиталистическая Япония стремилась навязать свое господство всей Восточной Азии. Здесь был сделан «мягкий» переход от «имперской» формы управления набирающим силу национальным капитализмом (основанным на явно «либеральных» институтах (избирательная

диета), но на самом деле полностью контролируемым императором и аристократией, трансформированными модернизацией) к жесткой системе управления непосредственно высшим военным командованием. Нацистская Германия заключила союз с имперской/фашистской Японией, в то время как Великобритания и Соединенные Штаты (после Перл-Харбора в 1941 г.) вступили в конфликт с Токио, как и сопротивление в Китае (недостатки Гоминьдана компенсировались поддержкой со стороны коммунистов-маоистов).

2. *Фашизм в капиталистических державах второго порядка.* Италия Муссолини (изобретателя фашизма, в том числе его наименования) является ярким примером в этой категории. Муссолинизм был ответом итальянских правых (старая аристократия, новая буржуазия и средний класс) на кризис 1920-х гг. и растущую коммунистическую угрозу. Но ни итальянский капитализм, ни его политический инструмент – фашизм Муссолини – не намеревались господствовать в Европе, не говоря уже о мире. Несмотря на похвальбу дуче о возрождении Римской империи, Муссолини понимал, что стабильность его системы зиждется на его союзе (как подчиненного) либо с Великобританией (хозяйкой Средиземноморья), либо с нацистской Германией. Колебание между двумя возможными союзами продолжалось вплоть до кануна Второй мировой войны.

Фашизм Салазара и Франко также принадлежит к этому типу. Они оба были диктаторами, узаконенными правыми и католической церковью в ответ на опасность в виде республиканцев-либералов или социалистов-республиканцев. Поэтому Салазар и Франко никогда не подвергались основным империалистическими державами остракизму за свое антидемократическое насилие (которое применялось под предлогом борьбы с коммуниз-

мом). Вашингтон реабилитировал их обоих после 1945 г. (Салазар был одним из основателей НАТО, а Испания согласилась на размещение на своей территории военных баз США), а затем их примеру последовало Европейское сообщество – гарант реакционного капиталистического порядка. После «революции гвоздик» (1974 г.) и смерти Франко (1975 г.) обе эти системы присоединились к лагерю новых пассивных «демократий» нашей эпохи.

3. *Фашизм в проигравших державах.* Эти режимы включают правительство Виши во Франции, Бельгию Леона Дегреля и «фламандское» псевдоправительство, поддерживаемое нацистами. Во Франции высший класс выбрал «Гитлера, а не Народный фронт» (по этому вопросу см. работы Анни Лакруа-Риз). Этот тип фашизма, связанный с поражением и подчинением «немецкой Европе», был вынужден отступить на задний план после поражения нацистов. Во Франции он уступил советам Сопротивления, которые на время объединили коммунистов с другими бойцами Сопротивления (с Шарлем де Голлем, в частности). С началом европейского строительства и присоединением Франции к Плану Маршалла и НАТО (добровольным подчинением американской гегемонии) дальнейшей эволюции фашизма этого типа пришлось ждать до тех пор, пока консервативные правые и антикоммунисты, социал-демократические правые навсегда не порвали с радикальными левыми, которые вышли из антифашистского и потенциально антикапиталистического сопротивления.

4. *Фашизм в зависимых обществах Восточной Европы.* Сдвинемся ниже по карте и рассмотрим капиталистические общества Восточной Европы (Польша, страны Балтии, Румыния, Венгрия, Югославия, Греция и Западная Украина в период польского правления). Здесь надо

отметить отсталый и, следовательно, зависимый капитализм. В межвоенный период реакционные правящие классы этих стран поддерживали нацистскую Германию. Тем не менее, необходимо изучить взаимодействие каждой из них с проектом Гитлера.

В Польше старая враждебность к российскому господству (царской России) была перенесена на коммунистический СССР и поощрялась популярной католической церковью. Страна стала вассалом Германии (по модели Виши). Но для Гитлера поляки, как и русские, украинцы и сербы, были людьми, приговоренными к уничтожению, наряду с евреями, цыганами и некоторыми другими. Таким образом, для польского фашизма не было места в союзе с Берлином.

Венгрия Хорти и Румыния Антонеску, напротив, рассматривались как подчиненные союзники нацистской Германии. Фашизм в этих странах являлся результатом социальных кризисов, характерных для каждой из них: страх перед коммунизмом после периода правления Белы Куна в Венгрии и национальной шовинистической мобилизации против венгров и русинов в Румынии.

В Югославии гитлеровская Германия (а потом и Италия Муссолини) поддерживала «независимую» Хорватию, полагаясь на правление антисербских усташей при решающей поддержке католической церкви, в то время как сербы были приговорены к уничтожению.

Русская революция, очевидно, изменила ситуацию в отношении перспектив борьбы рабочего класса и ответвлений реакционных классов собственников не только на территории Советского Союза (в границах до 1939 г.), но и на утраченных территориях Прибалтики и Польши. После Рижского мирного договора 1921 г. Польша аннексировала западные части Белоруссии (Вольнь) и Украины (южная Галиция, которая ранее была австрийской зем-

лей, и северная Галиция, которая была провинцией Российской империи).

По всему этому региону в 1917 г. (даже в 1905 г., с первой русской революции) сформировались два лагеря: 1 – просоциалистический (который стал пробольшевистским), популярный среди большей части крестьян (стремившихся к радикальной аграрной реформе в своих интересах) и в интеллектуальных кругах (в частности, среди евреев); 2 – антисоциалистический, лояльный к антидемократическим правительствам под фашистским влиянием, популярный среди всех землевладельческих классов. Реинтеграция стран Балтии, Белоруссии и Западной Украины в состав Советского Союза в 1939 г. подчеркивала этот контраст.

Политическая карта конфликтов между профашистами и антифашистами в этой части Восточной Европы была размыта, с одной стороны, в результате конфликта между польским шовинизмом (который сохранял проект полонизации аннексированных белорусских и украинских областей) и его жертвами; с другой – конфликта между украинскими «националистами», которые были и антипольскими, и антироссийскими (из-за антикоммунизма), и проектом Гитлера, который не рассматривал украинское государство в качестве подчиненного союзника, а просто приговорил его народ к уничтожению.

Ольга Острийчук в работе «Украинцы перед лицом своего прошлого» (2013) дает строгий анализ современной истории этого региона (австрийской Галиции, польской Украины и Малороссии, ставшей Советской Украиной), который позволяет понять рассматриваемые вопросы в контексте продолжающихся конфликтов, а также место, занимаемое фашизмом.

Самодовольный взгляд западных правых на прошлый и современный фашизм

В европейских парламентах правые в период между двумя мировыми войнами всегда были лояльны к фашизму и даже к более отвратительному нацизму. Сам Черчилль, несмотря на свою приверженность интересам Британии, никогда не скрывал симпатий к Муссолини. Президенты США и руководство демократической и республиканской партий поздно осознали опасность, которую представляла гитлеровская Германия и прежде всего императорская/фашистская Япония. Трумэн со всем цинизмом, характерным для руководства США, открыто говорил то, о чем другие только думали: надо позволить войне измотать основных участников – Германию, Советскую Россию и побежденных европейцев – и вмешаться как можно позже, чтобы пожинать плоды. Это вовсе не похоже на выражение принципиальной антифашистской позиции. В 1945 г. без колебаний были реабилитированы Салазар и Франко. Добавим, кроме того, что попустительство европейскому фашизму было постоянной политикой католической церкви. Думаю, что я не очень погрешу против истины, если назову Пия XII «союзником» Муссолини и Гитлера.

Даже антисемитизм Гитлера вызвал порицание только гораздо позже, когда он достиг конечной стадии своего убийственного безумия. Упор на ненависть к «жидобольшевизму», подкрепленный речами Гитлера, был общим для многих политиков. Только после поражения нацизма осуждение антисемитизма стало необходимым. Задача была упрощена, потому что самопровозглашенные наследники звания «жертвы холокоста» стали сионистами в Израиле, союзниками западного империализма против палестинцев и арабского народа, не имевших

никакого отношения к ужасам европейского антисемитизма.

Очевидно, что вследствие краха нацистов в Италии правым политическим силам в Западной Европе (к западу от «занавеса») пришлось отмежеваться от пособников и союзников фашистов в рамках своих групп. Фашистские движения были вынуждены отступить на задний план и прятаться за кулисами, не исчезнув в действительности.

В Западной Германии во имя «примирения» местное правительство и его покровители (Соединенные Штаты и, во вторую очередь, Великобритания и Франция) оставили на местах почти всех, кто совершил военные преступления и преступления против человечности. Во Франции было возбуждено судебное разбирательство в отношении Сопротивления за «оскорбительные казни за сотрудничество», когда вишисты вновь появились на политической сцене с Антуаном Пине. В Италии фашизм затаился, но по-прежнему присутствует в рядах христианских демократов и католической церкви. В Испании компромисс для «примирения» был навязан в 1980 г. Европейским сообществом (позже – Европейский союз), любое напоминание о франкистских преступлениях было просто запрещено.

Социалистические и социал-демократические партии Западной и Центральной Европы, поддержав антикоммунистические кампании, проводимые консервативными правыми, разделяют ответственность за возвращение фашизма. Раньше партии «умеренных» левых были полностью антифашистскими – все это было забыто. С переходом этих партий к социальному либерализму (безусловная поддержка ими европейского строительства, систематически провозглашаемая в качестве гарантии реакционного капиталистического порядка, безоговорочное подчинение американской гегемонии) сформировался реакционный блок, объединяющий классиче-

ских правых и социальных либералов, который мог бы при необходимости принять новых крайне правых.

Впоследствии, начиная с 1990 г., происходило восстание восточно-европейского фашизма. Фашистские движения во всех соответствующих странах были верными союзниками гитлеризма или сотрудничали с ним в той или иной степени. С приближением поражения большое количество их активных лидеров было перераспределено на Запад и могло сдать вооруженным силам США. Ни один из них не был возвращен советскому, югославскому или какому-либо другому правительству новых народных демократий, чтобы предстать перед судом за свои преступления, что было нарушением союзнических соглашений. Все они нашли убежище в Соединенных Штатах и Канаде, и все они были поощрены властями за свой яркий антикоммунизм!

Острийчук в книге «Украинцы перед лицом своего прошлого» приводит все необходимые доказательства согласованности целей политики США (и вслед за ними Европы) и местных фашистов Восточной Европы (в частности, Украины). Например, «профессор» Дмитрий Донцов до самой своей смерти в 1975 г. публиковал все свои работы в Канаде. Труды Донцова не только жестко антикоммунистические (у него часто встречается термин «жидобольшевизм»), но и фундаментально антидемократические. Правительства так называемых демократических государств Запада поддержали (и даже профинансировали и организовали) «оранжевую революцию» (фашистскую контрреволюцию) на Украине, как ранее в Югославии Канада проложила путь для хорватских усташей. И все это продолжается.

«Умный» способ, с помощью которого «умеренные» средства массовой информации скрывают поддержку явных фашистов, весьма прост: они используют термин «на-

ционалист» вместо «фашист». Профессор Донцов больше не фашист, он – украинский «националист», и Марин Ле Пен больше не фашист, а националист (как написал «Le Monde»).

Являются ли эти подлинные фашисты националистами просто потому, что они так говорят? Сомнительно. Националисты сегодня заслуживают этот ярлык, только если ставят под сомнение власть фактически доминирующих сил в современном мире, т. е. монополии Соединенных Штатов и Европы. Эти так называемые националисты являются друзьями Вашингтона, Брюсселя и НАТО. Их «национализм» сводится к шовинистической ненависти к соседним народам, которые не виновны в их несчастьях: для украинцев – это русские (а не царь); для хорватов – это сербы; для новых крайне правых во Франции, Австрии, Швейцарии, Греции и других странах – это иммигранты.

Опасность сговора между основными политическими силами в Соединенных Штатах (республиканцами и демократами) и в Европе (парламентские правые и социальные либералы), с одной стороны, и фашистами Востока – с другой, не следует недооценивать. Хиллари Клинтон назначила себя основным пресс-секретарем этого сговора и доводит военную истерию до предела. Она с удвоенной силой призывает к превентивной войне (и не только к повторению холодной войны) против России (путем еще более открытой интервенции на Украине, в Грузии, Молдове), против Китая и восставших народов Азии, Африки и Латинской Америки. К сожалению, этот стремительный «полет» Соединенных Штатов может найти достаточную поддержку, чтобы позволить Клинтон стать первой женщиной – президентом Соединенных Штатов. Давайте не будем забывать, что скрывает эта лживая феминистка.

Несомненно, фашистская опасность может появиться сегодня, не угрожая «демократическому» порядку в Соединенных Штатах и в Европе к западу от старого «занавеса». Сговор между классическими парламентскими правыми и социальными либералами избавляет господствующий капитал от необходимости прибегать к услугам крайне правых, вышедших из исторических фашистских движений. Но тогда – какой мы должны сделать вывод из успехов крайне правых на выборах в течение последнего десятилетия? Европейцы явно тоже стали жертвами распространения всеобщего монополистического капитализма (Амин, 2013). Мы видим, как, сталкиваясь со сговором между правыми и так называемыми социалистическими левыми, они прячутся за отказом от участия в выборах или за голосованием в пользу крайне правых. Ответственность потенциально левых радикалов в этом плане огромна: если бы им хватило смелости предложить реальные достижения за пределами нынешнего капитализма, они получили бы доверие. Дерзкие леворадикалы должны обеспечить согласованность, которой не хватает нынешним медлительным «движениям» протеста и оборонительной борьбы. В таком случае возможно смещение социального баланса сил в пользу рабочего класса. Это доказывают успехи народных движений в Южной Америке.

При текущем положении вещей успехи крайне правых на выборах проистекают из самого современного капитализма. Эти успехи позволяют СМИ одинаково осуждать «крайне правых и крайне левых популистов», замалчивая, что первые являются прокапиталистическими, а вторые – единственными потенциально опасными противниками системы власти капитала.

Такая же ситуация (с известными допущениями) в Соединенных Штатах, хотя их крайне правые никогда не назывались фашистами. Последователи маккартизма в

прошлом, как и фанатики «движения чаепития» и милитаристы (в том числе Хиллари Клинтон) сегодня, открыто отстаивают «свободы» (понимаемые исключительно как принадлежащие владельцам и управляющим монополистического капитала) перед «правительством», которое они подозревают в присоединении к требованиям жертв системы.

И последнее замечание по поводу фашистских движений: кажется, они не в состоянии понять, когда и как прекратить выдвигать свои требования. Культ вождя и слепого повиновения, не подлежащая критике абсолютная валоризация псевдоэтнических или псевдорелигиозных мифологических конструкций, в которых выражается фанатизм, и вербовка ополченцев для насильственных действий делают фашизм силой, которую трудно контролировать. Ошибки, даже за пределами отклонений, иррациональных с точки зрения социальных интересов, обслуживаемых фашистами, неизбежны. Гитлер был действительно психически больным человеком, хотя он смог заставить крупных капиталистов, которые привели его к власти, следовать за ним до конца в его безумии, и даже получил поддержку очень большой части населения. Но Гитлер – это крайний случай. А вот Муссолини, Франко, Салазар и Петен не были психически больны, несмотря на это многие их сообщники и подручные, не колеблясь, совершали преступные деяния.

Фашизм в современных странах Юга

Интеграция Латинской Америки в глобализованный капитализм в XIX в. была основана на эксплуатации крестьян, которых превратили, по сути, в батраков («пенонув»), и их подчинении грубой власти крупных землев-

ладельцев. Система Порфирио Диаса в Мексике является хорошим примером. Развитие этой интеграции в XX в. привело к «модернизации бедности». Стремительный отток сельского населения, более выраженный в Латинской Америке и произошедший там раньше, чем в Азии и Африке, привел к появлению новых форм бедности в современных городских фавелах, которые сменили старые формы бедности в сельских районах. Одновременно с этим были «модернизованы» формы политического контроля масс: установлена диктатура, отменена выборная демократия, запрещены партии и профессиональные союзы, «современные» спецслужбы были наделены всеми правами на арест и пытки. Очевидно, что эти формы политического управления очень похожи на фашизм в странах зависимого капитализма в Восточной Европе. Диктатуры XX в. в Латинской Америке служили интересам местного реакционного блока (крупные землевладельцы, компрадорская буржуазия, а иногда и средний класс, которые извлекли выгоду из этого типа деклассированного развития), но прежде всего – доминирующему иностранному капиталу, в частности, капиталу США, которые поддерживали эти диктатуры до их свержения в результате недавнего взрыва народных движений. Сила этих движений, а также социальных и демократических достижений, которые они принесли, исключила возвращение профашистских диктатур, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Но будущее остается неопределенным: конфликт между рабочим движением и местным и мировым капитализмом только начинается. Диктатуры Латинской Америки, как и все виды фашизма, не избежали ошибок, некоторые из которых стали для них фатальными. Например, Хорхе Рафаэль Видела начал войну за Мальвинские (Фолклендские) острова, чтобы склонить аргентинский народ в свою пользу.

Начиная с 1980-х гг. деклассированное развитие, сопровождавшее распространение всеобщего монополистического капитализма, взяло верх над национальными народными системами эпохи Бандунга (1955–1980 гг.) в Азии и Африке (Амин, 2013) и породило формы, близкие к «модернизации бедности и репрессивного насилия». Наглядными примерами являются крайности постнасеристской и постбаасистской систем в арабском мире. Мы не должны смешивать национальные народные режимы эпохи Бандунга и их наследников, которые вскочили на подножку глобализированного неолиберализма, потому что все они были «недемократическими». Режимы Бандунга, несмотря на их автократическую политическую практику, извлекали выгоду из своей «народной легитимности», обусловленной реальными достижениями, которыми воспользовалось большинство работников, и антиимпериалистическими позициями. Последующие диктатуры утратили эту легитимность, как только приняли глобализированную неолиберальную модель и сопутствующее деклассированное развитие. Народная и национальная власть, хотя и не демократическая, уступила полицейскому насилию, которое служит неолиберальному, антинародному и антинациональному проекту.

Последние народные восстания (начиная с 2011 г.) поставили под сомнение эти диктаторские режимы и только... Альтернативное движение сможет найти средства для достижения стабильности, только если ему удастся соединить три цели, которые мобилизуют восставших: продолжение демократизации общества и политики, прогрессивные социальные достижения и подтверждение национального суверенитета.

Мы все еще далеки от этого. Именно поэтому существует множество альтернатив, возможных в краткосрочной перспективе. Например, возвращение к националь-

ной народной модели эпохи Бандунга, возможно, с оттенком демократии? А как насчет более выраженной кристаллизации демократического, народного и национального фронта или погружения в ретроспективную иллюзию, которое в данном контексте приобретает форму «исламизации» политики и общества?

Западные державы (Соединенные Штаты и их подчиненные европейские союзники) сделали свой выбор: они предоставили помощь на льготных условиях «братьям-мусульманам» и/или другим «салафитским» организациям политического ислама. Причина проста и очевидна – реакционные политические силы принимают реализацию их власти в рамках глобализированного неолиберализма (и тем самым отказываются от каких-либо перспектив социальной справедливости и национальной независимости). Это единственная цель, которую преследуют империалистические державы.

Следовательно, политическая программа ислама принадлежит к фашистскому типу, характерному для зависимых обществ. Ему присущи две основные характеристики фашизма: 1 – отсутствие осуждения основных качеств капиталистического строя (в данном контексте это означает принятие модели деклассированного развития, связанной с распространением глобализированного неолиберального капитализма); 2 – выбор антидемократических форм политического управления, характерных для полицейского государства (запрещение партий и организаций, принудительная исламизация морали и пр.).

Антидемократический выбор империалистических держав (а значит – возможность лгать о демократической позиции, выливая на нас потоки пропаганды) позволяет им принимать возможные «перегибы» рассматриваемых исламистских режимов. Как и другие виды фашизма (и по тем же причинам), эти «перегибы» прописаны в «истоках»

политического ислама: непререкаемое подчинение лидерам, фанатичная валоризация присоединения к государственной религии и формирование ударных сил используются для навязывания подчинения. На самом деле «исламистская» программа приносит успехи только во время гражданской войны (в том числе между суннитами и шиитами) и не порождает ничего, кроме постоянного хаоса. Этот тип исламистской власти гарантирует, что рассматриваемые общества останутся абсолютно неспособными к самоутверждению на мировой арене. Очевидно, что находящиеся в упадке Соединенные Штаты отказались от получения чего-то лучшего (стабильное и покорное местное правительство) в пользу хорошего. Аналогичные изменения и выборы происходят не только в арабо-мусульманском мире, но, например, и в индуистской Индии. Индийская народная партия (Bharatiya Janata Party), которая только что победила на выборах, является реакционной индуистской религиозной партией, согласной на включение своего правительства в глобализированный неолиберализм. Она гарантирует, что Индия откажется от возможности стать развивающейся державой. Охарактеризовав ее как фашистскую, мы не будем абсолютно неправы.

В заключение отмечу, что фашизм вернулся на Запад, Восток и Юг, и это связано с распространением системного кризиса всеобщего, финансиализированного и глобализированного монополистического капитализма. Обращение господствующих центров этой жесткой системы к услугам фашистского движения требует от нас особой бдительности. Этот кризис будет усугубляться, следовательно, угроза применения фашистских решений станет реальной опасностью. Поддержка Хиллари Клинтон разжигания Вашингтоном войны не сулит ничего хорошего в ближайшем будущем.

Украинский кризис, Евразийский проект и балансирование Путина

Текущий украинский кризис проливает свет на то, к чему на сегодняшний день пришла история России (и, конечно же, Украины). Он проясняет характер олигархии, которая вышла из номенклатуры в странах бывшего Советского Союза, и их дикий капиталистический выбор (Александр Бузгалин описывает его как «капитализм Юрского периода»). Он показывает их амбиции, ограниченность достижений и готовность выполнять функцию передаточного ремня для глобализированного господства финансового капитала коллективного империализма триады. В случае России он также показывает вероятность движения в другом направлении путем формирования более тесных связей с развивающимися странами (Россия принадлежит к так называемой группе БРИКС). Он также показывает, что необходимые условия для возможного успеха этого предприятия далеко не гарантированы. Украинский кризис также показывает истинные стремления доминирующих держав империалистической триады и недобросовестные средства, которые они готовы использовать для достижения своих целей – от манипулирования безработными до осуществления террора фашистскими боевиками. Таким образом, украинский конфликт является частью более широкого контекста, в котором стратегия Вашингтона и его подчиненных европейских союзников наталкивается на чаяния (пусть путанные) народов, наций и даже государств современной периферии (России и других стран бывшего Советского Союза, а также стран Азии, Африки и Латинской Америки). Глобальные аспекты вопросов, связанных с текущим кризисом в России и на Украине, будут рассмотрены в этом тексте позже.

Совершенно очевидно, что Соединенные Штаты и Европа организовали настоящий «евронацистский» путч в Киеве в феврале 2014 г. Западные СМИ, которые печатали шаблонные обещания демократии, просто лгали. Полномочия триады никогда и нигде не способствовали демократии. Наоборот, они всегда поддерживали самых стойких ее противников, в том числе фашистов, которые были искусно переименованы в «националистов». В бывшей Югославии европейцы поддерживали тех, кто ностальгировал по хорватскому фашизму, вернувшись из канадской ссылки; в Косово они дали власть мафии, контролирующей наркотики и проституцию; в арабских странах они продолжают поддержку наиболее реакционного политического ислама, который финансируется за счет новых демократических республик (ими, несомненно, станут Саудовская Аравия и Катар). Военное вмешательство уничтожило Ирак и Ливию, не обеспечив обещанной демократии. В Сирии военная поддержка «исламистов» державами триады (непосредственно или через Саудовскую Аравию и Катар) не сулит ничего лучшего.

Самопровозглашенное правительство в Киеве обеспечило себе видимость легитимности путем проведения выборов. Среди кандидатов на этих выборах не было фашистских боевиков, которые привели их к власти. Это позволило западным СМИ представить их «национал-демократами». На самом деле все это – избирательный фарс (в арабском мире в том числе). Жестокое подавление любого сопротивления хунте: запрещение партий, считающихся «прорусскими», замалчивание в средствах массовой информации, массовые убийства противников, как в Одессе (где система правосудия, которая находится под контролем милиции, воздерживается от преследования преступников, отпущенных после убийства целых семей) – все это не заслужило комментариев от средств

массовой информации триады. Они возлагают ответственность за украинскую ситуацию исключительно на экспансионистские амбиции Путина, которого обвиняют в нарушении независимости украинского народа (аннексия Крыма и поддержка сепаратистов на востоке Украины). Это любопытное обвинение звучит от тех, кто, колеблясь, нарушал независимость Сербии, Ирака и Сирии и по-прежнему рассматривают такую возможность в отношении других стран.

Препятствие, на которое натолкнулось киевское правительство, по своей природе является не только «этническим», что якобы настраивает русско- и украиноговорящих друг против друга. Подчеркнем, что границы республик бывшего СССР были намеренно нарисованы советским правительством в пользу нерусских национальностей, в духе борьбы с великорусским шовинизмом. Об этом свидетельствует пример Крыма, который никогда не был украинским. Донецк и Одесса тоже никогда не были «этнически» украинскими. Как и в случае с югославскими республиками, эти границы устанавливались не для того, чтобы стать основой самостоятельных государств. Путин, вероятно, не герой демократии, но он только поддерживает жителей Украины, отвергающих евронемецкую колонизацию, которую Брюссель пытается навязать, как это было сделано в Восточной Европе, Греции и на Кипре. Не только русскоговорящие жители Украины могли бы отвергнуть европейский проект, если бы деспотическая власть киевской хунты не запретила выражения несогласия в отношении евро-германского проекта.

Россия ищет свое место в мировой системе. В настоящее время она окружена силами НАТО. Существующая угроза не является продуктом галлюцинаций Путина, она реальна и была создана США и Европой, которые нару-

шили свое обязательство не интегрировать в НАТО Восточную Европу, в частности страны Балтии. Сегодня существует угроза включения Украины в эту агрессивную организацию. Мы должны знать, что невыполнение обещаний – в порядке вещей, когда дело доходит до империалистической политики (с 1492 г.). Надо быть наивным, чтобы полагаться на слово Вашингтона и Брюсселя. Эта наивность была продемонстрирована еще раз, когда Россия и Китай воздержались от права вето в Совете Безопасности, чтобы лишить легитимности нападение на Ливию. Но мне кажется, что Москва и Пекин, наконец, «научились» на своих ошибках. В ответ на экспансионистский проект Соединенных Штатов и немецкой Европы Путин, кажется, принял идею создания огромного союза народов из бывшего СССР. Этот союз известен как евразийский. Это – не новое искусственное изобретение, эта идея отвечает на многовековые попытки России определить свое место в мире. Почему в этом праве должно быть отказано русским и другим народам бывшего СССР?

Борьба Москвы против империалистического порядка на Украине и в других странах будет успешной только при решительной поддержке вовлеченных в нее людей. Эта поддержка возможна, когда Россия освободится от оков неолиберализма – причины социальной катастрофы в России и во всем мире. Путин до сих пор поддерживал опасный баланс, пытаясь продолжать катастрофичную внутреннюю неолиберальную политику, с одной стороны, и защищать законные интересы независимой России – с другой. Отказ от неолиберализма и спасение от финансовой глобализации необходимы и возможны. Этот императив относится не только к России, но и к БРИКС, и всем странам глобального Юга. Сегодня в России еще есть сегменты политического класса, готовые поддержать государственный капитализм, который открыт для движе-

ния к демократическому и общественному управлению. Но если компрадорская часть российских правящих классов – единственные, кто извлекает выгоду из неолиберализма, победит, то санкции, которыми Европа пугает Россию, могли бы принести плоды. Компрадорские элементы по-прежнему хотят капитулировать, чтобы сохранить свою долю добычи от грабежа своей страны. Тогда Россия не сможет избежать колонизации империализмом триады и, кроме того, потерпит поражение на Украине.

Литература

Амин С. Развал современного капитализма. Нью-Йорк: Monthly Review Press, 2013.

Острийчук О. Украинцы перед лицом своего прошлого. Брюссель: P.I.E. Lang, 2013.

Оценка и перспективы

Есть только одна глобальная история, но существуют разные точки зрения на эту глобальную историю. История конкретного мирового региона (в данном случае России) приобретает смысл, только когда ее рассматривают в мировой истории, как задумывает конкретный автор. Я объяснил свою точку зрения в книге «Мировая история: взгляд с Юга»: 1 – мое мнение основано на историческом материализме Маркса, но я дистанцируюсь от исторических марксизмов различных Интернационалов; 2 – мое мнение неразрывно связано с моей точкой зрения (как активиста, интернационалиста и универсалиста) на освобождение народов периферии от глобализированной капиталистической системы путем социалистической победы над капитализмом.

Тем не менее, мировая история скрывает опасные ловушки для своих защитников. Первая из них – возможность впасть в философию истории, которая не следует из реальной истории, как задумано автором по этому вопросу, а фактически является отправной точкой, задуманной априори. Одним из примеров является Анри Пиренн. На протяжении всей истории человечества Пиренн противопоставляет морские страны, которые являются открытыми, демократичными и описаны как капиталистические, континентальным странам, которые закрыты, деспотичны и описываются как феодальные. Это априорное мнение, не имеющее научной ценности, несмотря на более чем солидную эрудицию автора, стало модной идеологией. С этой точки зрения, страны Атлантики и Тихого океана, т. е. триада Соединенных Штатов, Европы

и Японии – это мир эффективной (так называемой рыночной) экономики, демократии и мира. Он сталкивается с чрезмерными амбициями континентальных стран: России, Китая, арабского и мусульманского мира, которые обязательно деспотичны и агрессивны.

Вторая ловушка, всегда связанная с первой, заключается в попытках оперировать антиисторической перспективой, в которой история повторяет аналогичные циклы. Эта точка зрения не учитывает качественные различия между важными этапами истории. В качестве примера вспоминается антиисторическая теория Пола Кеннеди о расширении и упадке империй. Я, со своей стороны, отказался стирать различия между докапиталистической мировой историей, которая строится вокруг обществ, базирующихся на способе производства, основанном на уплате дани (в его различных ипостасях), и историей новейшего времени (начиная с 1800 г.), основанной на способе производства исторического капитализма.

Третья ловушка – это дилетантизм. Мировая история требует работы ученых, эрудиция которых измеряется не академическими регалиями, а знаниями в необходимой области науки. Я не историк по профессии, я только читатель (надеюсь, внимательный читатель) произведений профессиональных историков. Читателю судить: является ли эта работа исследованием, основанным на трудах историков России, или любительским очерком на скорую руку.

Теперь я подхожу к выводам, сделанным после прочтения истории России. Эти выводы, с одной стороны, касаются прошлого; с другой – настоящего и возможно будущего.

Что касается более далекого прошлого, как отмечалось ранее, формирование российского государства, похоже, не отличается от образования, например, коро-

левств Франции и Великобритании. Это произошло во времена докапиталистической современности. Конечно, национальные народные историки предпочитают рисовать радужную картину формирования их современной нации (при этом образование других наций не обязательно описывается в неприглядном виде). Оглядываясь назад, можно судить прошлое с большей суровостью. Честный француз или француженка признают ужасы Альбигойского крестового похода, без которого позднее (и медленнее) слияние Франции и Окситании было бы невозможно; честный британец признает ужасы колонизации Ирландии; честный россиянин признает ужасы царского деспотизма (а большевики, по вполне понятным классовым причинам, нарисовали самую ужасную картину, насколько это было возможно). Со своей стороны, я подчеркивал сходство и аналогию этих трех форм становления нации; как оценивать указанные события: положительно или отрицательно – это личное решение каждого. Становление Франции и Великобритании приписывается их королям, а России – ее императору (царю), различие в титулах не имеет никакого значения. Короли – это монархи географически ограниченных пространств, в то время как король гигантского российского пространства становится императором.

Для менее далекого прошлого следует подчеркнуть различие между становлением колониальных империй и царской империи. Первые были неотделимы от развития капитализма, а последняя имела с ним мало общего (возможно, только с конца XIX в.). В этом смысле правильнее сравнивать становление Российской империи со становлением Османской или Китайской империй. Выводы в отношении настоящего и будущего должны быть рассмотрены в совершенно ином, новом контексте. В моей интерпретации мировой истории капиталисти-

ческой эпохи основное внимание уделяется систематическому построению поляризации «центр – периферия» с последующим завершением завоевания Земли с помощью исторических «империализмов» центров (европейского, американского и японского) в XIX в. и первой волне победоносной борьбы периферий в XX в., которые начали освобождаться от империалистического господства (точнее, заставили империалистические державы приспособиться к своим достижениям в этой сфере). Историю Советского Союза следует рассматривать в этом контексте. Первое пробуждение Юга (так называется одна из моих книг) закончилось в период между 1980 и 1990 гг. Современная ситуация (начиная с 1991 г.) характеризуется: 1 – наступлением нового коллективного империализма триады по повторному установлению своего господства в мире; 2 – подъемом второй волны сопротивления в пробуждающихся перифериях.

Это драматичный момент. Новый империализм продолжает наступление, даже если он выдыхается и погряз в конфликтах, которые не может контролировать, как показывает Мишель Рембо (2015). Наступление против России, начавшись с попытки колонизировать Украину, находится на пике. И оно не единственное: конфликт с крупной развивающейся державой, Китаем, протекает скрытно. Наступление Соединенных Штатов и их подчиненных европейских союзников требует систематического уничтожения арабского мира, Ирана и мусульманского мира Азии и Африки к югу от Сахары. Рабочим инструментом является архаичный и реакционный политический ислам, поддерживаемый арабскими странами Персидского залива (привилегированными союзниками Запада). Хаос, связанный с регрессом упомянутых обществ, гарантирует их неспособность принимать активное участие в преобразовании мира.

Ставки в этой битве огромны: кто победит? Будет ли это коллективный империализм, который ведет всю планету к самоуничтожению (экологическому коллапсу, в том числе) путем создания системы апартеида в мировом масштабе (включая геноцид, когда это необходимо)? Или второе пробуждение Юга заставит империалистический Север отступить, тем самым открывая дверь к возможному согласованию борьбы народов периферий и борьбы, в которую готовы вступить рабочие на Севере? К какому из этих двух лагерей примкнет Россия? Россия 1990-х гг. испытывала иллюзию ее принятия триадой, в частности, благодаря действиям своего европейского партнера. Наивный проект Горбачёва об «общем европейском доме» был основан на этой иллюзии. Европа (в основном Германия, Великобритания и Франция) не хотела и не хочет этого, она имеет виды на создание своей «Латинской Америки» в отвоеванной Восточной Европе. Ее амбиции идут дальше – вместе (но на вторых ролях) с Соединенными Штатами колонизировать Россию, начиная с Украины.

Путинская Россия, похоже, поняла реальные цели Вашингтона и Брюсселя. Тем не менее, Путин не полностью (или еще не полностью) отказался от путаницы постсоветского периода. Он остается сторонником «рыночной экономики», понимаемой как синоним управления местной производственной системы с помощью финансиализированных монополий, в которых местная олигархия (в России, как в Европе и Соединенных Штатах) является управляющей политической силой. Как показывает Михаил Ельчанинов (2015), он руководствуется консервативными путаными идеями правого толка. Я уже высказал свое мнение по поводу этого противоречия: не ослабив связь с этим типом экономического и социального управления, невозможно двигаться вперед с проек-

том независимого развития, защищенного от западной агрессии. Это наблюдение справедливо и за пределами России для всех освободившихся стран, за исключением, может быть, до определенной степени Китая.

Сегодня сложно оценить историю России в долгосрочной перспективе. В конце концов, история – это не плавно текущая река, история состоит из разных моментов, разделенных бурными порогами. Сегодня она открыта для всех возможных вариантов будущего (от лучшего к худшему), поэтому невозможно четко рассмотреть будущее в краткосрочной перспективе.

Литература

Амин С. Мировая история: взгляд с Юга. Оксфорд: Pambazuka, 2011.

Ельчанинов М. В голове у Владимира Путина. Арль, Франция: Actes Sud-Solin, 2015.

Рембо М. Буря на Большом Ближнем Востоке. Париж: Ellipses, 2015.

Самир Амин
Россия: долгий путь от капитализма к социализму

Дизайн и верстка Юлия Золина

Подписано в печать 28.02.2017
Формат 60×88/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Печ. л. 9,25.
Тираж 1000 экз. Заказ.